

Александр Ильченко, Илья Вагман, Станислава Евминова

50 знаменитых террористов

От авторов

История терроризма уходит своими корнями в глубь веков. Немало кровавых страниц было вписано в нее античными тираноборцами, исмаилитами, ассасинами, якобинцами, карбонариями, народовольцами, большевиками... Но наибольший размах волна терроризма приобрела в XX веке, превратив его в страшное и неотъемлемое явление современности, беспрецедентное по масштабам и неожиданное по формам.

Исследования, проведенные на стыке 80–90-х годов прошлого столетия, указывают на опасные тенденции развития национал-экстремистских, террористических и мафиозных движений во многих странах. В мире сейчас насчитывается около 500 групп и организаций, использующих в своей деятельности террор. Они существуют в 70 странах — на всех континентах, за исключением, пожалуй, только Австралии. К числу наиболее активных из них принадлежат исламская террористическая организация «Аль-Каида»,

ливанская Хезболлах, палестинские движения сопротивления ХАМАС и «Фронт освобождения Палестины», египетские «Аль-Джихад» и «Братья-мусульмане», «Революционный совет ФАТХ» (Саудовская Аравия), арабский «Черный сентябрь» (группа Абу Нидаля), алжирская «Аль-Джамаа», «Исламский джихад Пакистана», фронт «Тигры освобождения Тамил-Элама» (Шри-Ланка), Рабочая партия Курдистана (Турция), баскская сепаратистская группировка ЕТА и «Эскудита Аскатасуна» (Испания), Ирландская республиканская армия (ИРА), итальянские «Красные бригады», немецкая фракция «Красной армии», Армия освобождения Косово, «Революционное движение Тупак Амару» (Перу), «Экстрадитаблес» (Колумбия), «Черные пантеры» (США) и многие другие.

По оценкам специалистов, в настоящее время ежегодно в террористических акциях гибнет свыше 5 тысяч человек. 90 % терактов составляют взрывы бомб, обстрелы и вооруженные нападения (все это мы сейчас наблюдаем в Ираке). Остальные 10 % приходится на похищение людей, захват заложников, угон самолетов и вредительство. Характерны для нынешнего терроризма также высокий уровень финансирования и организации, широкое использование в своих целях электронных СМИ, особенно радио и телевидения. В этих

условиях он становится глобальной угрозой XXI века.

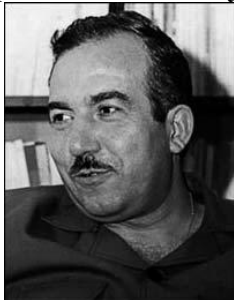
Причины всплеска терроризма в наши дни большинство политологов и представителей средств массовой информации связывают с политической, социальной и националистической борьбой различных группировок, которая к тому же нередко сопровождается религиозным противостоянием. Характерно в этом отношении высказывание современной американской журналистки Фрэн Лебовиц, которая считает, что «действия террористов вызваны политическим недовольством, социальной несправедливостью и... необоримым желанием видеть себя на телевизионном экране». Последнее, скорее всего, относится к террористам-одиночкам, считающим себя сильными личностями и непризнанными героями.

Между тем в рядах террористических организаций можно найти людей самых различных — как по политическим и религиозным убеждениям, социальному положению, так и по личным качествам. Характеризуя их, американский исследователь Ливингстон пришел к выводу, что «террористическое движение содержит в равной мере альтруистических идеалистов и безнравственных богохульников, прожектеров и негодяев, умеренных и экстремистов, тех, кто ищет

удобного случая, и тех, кто спасается бегством от банкротства, сторонников авторитарной власти и противников всякой устоявшейся власти. Богатые, так же как и бедные, оказываются рекрутированными в террористические организации, ученые наравне с неграмотными, те, кто побуждается личными амбициями, а также и те, кто движим идеологическими мотивами». Ярким подтверждением тому являются герои этой книги — люди, избравшие террор и насилие средством для достижения своих жизненных целей. Но чем бы они ни руководствовались в своей деятельности и каким бы идеалам ни служили, не стоит забывать слова Джузеппе Мадзини — одного из идеологов терроризма, который вынужден был признать, что «террор, возведенный в систему, есть признак слабости и выражение страха».

АБУ ДЖИХАД

Настоящее имя — Халил Ибрахим Махмуд эль-Вазир (род. в 1935 г. — ум. в 1988 г.)

Один из руководителей организации «Аль-Фатх», организатор многих террористических акций палестинцев, вдохновитель «интифады» — восстания палестинцев на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, провозгласивший уничтожение государства Израиль вооруженным путем. Заместитель главнокомандующего вооруженными силами Организации освобождения Палестины (ООП).

7 марта 1988 года трое боевиков «Аль-Фатх» захватили в пустыне Негев на территории Израиля пассажирский автобус, в котором ехали сотрудники сверхсекретного израильского атомного центра в Димоне. При освобождении заложников

террористы успели убить троих из них. В Израиле это было расценено как удар по самому важному объекту в государстве и стало поводом для разработки операции по ликвидации организатора этой акции — Абу Джихада. Эта операция получила название «Меч Гедеона».

Халил Ибрахим Махмуд эль-Вазир — таково настоящее имя Абу Джихада (этот псевдоним означает «Отец священной войны») — давно привлекал внимание израильских спецслужб. Лидер самой мощной и крупной фракции в ООП «Аль-Фатх», он был организатором большинства террористических акций палестинцев, совершенных против Израиля, вдохновителем «интифады» и создания палестинского правительства в изгнании. Его популярность и влияние среди палестинцев непрерывно росли. Он имел репутацию одного из самых непримиримых вождей ООП и выдвинул идею о том, что создание независимого арабского государства в Палестине возможно только вооруженным путем. А это означало бы новую большую войну на Ближнем Востоке, чего нельзя было допустить ни в коем случае. Нападение на сотрудников атомного центра в пустыне Негев стало последней каплей в чаше терпения: правительство и военное командование Израиля дали санкцию на уничтожение этого «Отца священной войны».

...С 1982 года штаб-квартира ООП располагалась в Тунисе. Там, в пригороде столицы Сиди Бусейд, жил с семьей и Абу Джихад. Это не было секретом для израильских спецслужб, имевших здесь мощную агентурную сеть. К началу апреля 1988 года бойцы израильского морского спецназа детально изучили тунисское побережье, разведали систему охраны, наметили подходящие для высадки места. Представители других спецслужб собрали данные о дорогах, аэродромах, полицейских и армейских объектах. Службы радиоэлектронной разведки круглосуточно прослушивали все радио— и телефонные переговоры Абу Джихада и его окружения. Непосредственно акция была возложена на бойцов «Саерет Миткаль». Эта сверхсекретная воинская часть — ее еще называют «Соединение 269» и «Разведчики генерального штаба», — находящаяся в непосредственном подчинении начальника Генштаба Армии обороны Израиля, изначально предназначалась для проведения особо важных диверсионно-разведывательных мероприятий, боевой поддержки спецслужб, контртеррористических мероприятий и акций возмездия как на территории Израиля, так и за его пределами. В начале апреля неподалеку от Хайфы, где была построена точная копия виллы Абу Джихада и близлежащего квартала, агенты

«Моссада» и бойцы «Саерет Миткаль» провели «генеральную репетицию» предстоящей операции. Она прошла успешно. На ее проведение было затрачено 22 секунды.

14 апреля в Тунис разными авиарейсами прибыла первая группа участников операции. Среди них была одна женщина. У всех были документы граждан Ливана, и все они говорили на арабском с сильным ливанским акцентом. На следующий день прибыл командир «Саерет Миткаль», а в ночь на 15 апреля к побережью Кипра подошли четыре израильских корвета. На них размещались штаб операции, который возглавлял генерал Эхуд Барак, будущий премьер-министр Израиля, спецназовцы, два быстроходных катера «Кобра», которые должны были прикрыть огнем бойцов в случае их обнаружения и вынужденного отступления, полевой госпиталь и вертолет, предназначенный для эвакуации раненых и огневой поддержки десантников. В воздухе постоянно барражировали два «боинга», оснащенные системой АВАКС и аппаратурой, способной подавить любые наземные средства связи и управления. Кроме них в воздухе находились два самолета-танкера для дозаправки и четыре истребителя прикрытия. 16 апреля группы спецназа в водолажном снаряжении на электрических буксировщиках поплыли к пляжу в

местечке Рас Картаге, находящемся на месте древнего Карфагена. Там их встретили сотрудники «Моссада». На двух автофургонах и «Пежо-305» участники операции направились в Сиди Бусейд.

Действовать нужно было осторожно. Здесь, помимо Абу Джихада, проживали и другие руководители ООП, и все они имели вооруженную охрану. В момент прибытия спецназовцев оказалось, что Абу Джихада нет дома. Пришлось ждать. Он прибыл только в 1 час 30 минут ночи. Тут же один из спецназовцев вывел из строя телефонную связь, были заблокированы все подходы к зданию и взято под прицел пространство вокруг дома. Через час в окне Абу Джихада погас свет. Это стало сигналом к началу операции. Первым был ликвидирован шофер-телохранитель, спавший в машине, затем с помощью приспособлений, неизвестных тогда еще миру, удалось преодолеть в полной тишине запертые двери с парадного и заднего входов. Уничтожив на первом этаже еще двух телохранителей, спецназовцы устремились на второй этаж. В здании теперь находились только Абу Джихад, его жена, 14-летняя дочь и 2-летний сын. Абу Джихад только успел поднять голову от подушки на скрип открываемой двери, как был прошит несколькими автоматными очередями. В него попало 68 пуль 9-го калибра. Спавшая рядом жена очнулась ото

сна, когда все уже кончилось. Ее никто не тронул. Вся операция заняла 13 секунд. За это время спецназовцы успели еще изъять на вилле несколько пачек секретных документов. Возвращение их на корабли прошло без всяких проблем.

Халил Ибрахим Махмуд эль-Вазир родился 10 октября 1935 года в палестинском городе Рамла. В 1948 г., когда начало создаваться государство Израиль, разразилась арабо-израильская война, обозначившая проблему Палестины. Тогда появились первые организации палестинского движения сопротивления. В это время эль-Вазир очутился в лагере беженцев в секторе Газа. Там он получил среднее образование, прошел военное обучение. В 1956 году будущий террорист начал посещать лекции в Александрийском университете, но высшего образования так и не получил. Перебравшись в 1959 году в Кувейт, он до 1963 года работал там учителем, затем переехал в Алжир.

К началу 1950-х годов относится создание основного ядра ведущей палестинской организации «Аль-Фатх» («Движение за национальное освобождение Палестины»). Его окончательное становление пришлось на 1956 год. Основателями организации были Ясир Арафат, Салах Халиф и Халил эль-Вазир. Однако на этом этапе палестинское движение сопротивления было

относительно слабо, отсутствовало единство, оно ориентировалось на разные страны. В 1957 году Ясиром Арафатом и Абу Джихадом в Кувейте была основана военно-политическая организация палестинцев, имеющая своей целью освобождение Палестины от израильской оккупации, уничтожение государства Израиль, изгнание с территории Палестины вновь прибывших евреев. Через два года, в октябре 1959 года, «Аль-Фатх» уже представляла собой стройную организацию, ставшую ядром будущей ООП. Методами борьбы «Аль-Фатх» были диверсии и партизанская война. Причем не только на территории Израиля, но и в Европе, Тунисе, Ираке, Ливане, Алжире, Йемене и других странах. С этой целью в 1963 году с благословения Москвы Абу Джихад создал в Алжире первый лагерь для обучения боевиков. Сам же он учился тактике партизанской борьбы, посетив в 1964 г. Китай, Северный Вьетнам и КНДР. Тогда же Абу Джихад провозгласил «доктрину опустошения и захвата приграничных районов», в соответствии с которой боевые отряды ООП развязывали террористическую войну против Израиля в середине 1960-х годов. Согласно этой доктрине, постоянные диверсии против израильских населенных пунктов, прилегающих к границам с арабскими странами, вызовут панику, а затем и бегство жителей из терроризируемых

поселений. Эту опустошенную местность предполагалось захватить и удерживать силами палестинских отрядов, действующих при поддержке арабских армий. Идея Абу Джихада была поддержана руководством Сирии, которая стала базой «Аль-Фатх», а сам Абу Джихад поселился в Дамаске.

ООП появилась на свет 1 июня 1964 года. Через три месяца была создана Армия Освобождения Палестины, состоявшая из трех бригад. Наибольшей из многих организаций, входивших в ООП, стала «Аль-Фатх». В это время Абу Джихад доработал свою доктрину, сделав ее центральным пунктом тезис о необходимости превратить ООП в катализатор общеарабской войны против Израиля. Именно он, более чем другие лидеры ООП, стал тогда ассоциироваться с антиизраильским и антиеврейским террором. Он сосредоточил в своих руках рычаги управления боевыми структурами «Западного сектора» ООП, осуществлявшими диверсии против Израиля с территории ряда арабских стран. Вооруженные рейды на территорию Израиля начались с 1964 года. В декабре была осуществлена первая боевая операция «Аль-Фатх» — взорвана израильская водокачка.

После Шестидневной войны 1967 года, когда Израиль захватил часть территории Сирии, Египта

и Иордании, «Аль-Фатх» расширила свои ряды и стала основной и самой многочисленной силой палестинского движения сопротивления, а после того как в 1969 году ООП возглавил Ясир Арафат — доминирующей силой этой организации, контролирующей деятельность всего движения. Деятельность ООП, а следовательно, и «Аль-Фатх», финансировалась союзными арабскими режимами и частными пожертвованиями палестинцев. Главные базы боевиков находились тогда в Иордании, и «Аль-Фатх», мощная вооруженная организация, стала реальным соперником государственных институтов этой страны в населенных палестинцами территориях Западного берега реки Иордан, оккупированного Израилем. В результате в сентябре 1969 года в Иордании началась гражданская война. Иорданская армия разбила основные силы «Аль-Фатх». Эти события получили название «Черный сентябрь» и стали причиной длительной террористической войны палестинцев против Иордании. Большая часть сил «Аль-Фатх» перебралась тогда в Ливан, который на десятилетие стал основной базой ООП.

В своей структуре «Аль-Фатх» имела различные боевые подразделения: «Force-17», «Хавари — группа специальных операций» и ряд других, а после сентябрьских событий 1969 года к «Аль-Фатх» примыкала группа «Черный сентябрь»,

созданная для проведения акций международного терроризма. На основе антисемитизма началось сотрудничество с ультралевыми и ультраправыми террористическими группировками Италии, Австрии, Германии. Создавалась террористическая сеть, охватывающая Европу и Средиземноморье. В 1971 году боевики уничтожили нефтяные резервуары в Роттердаме, атаковали офис иорданской авиакомпании ALIA в Риме, напали на самолет этой же компании в Каире, захватили самолет рейса на Алжир, напали на самолет рейса Бейрут — Каир, убили премьер-министра Иордании, устроили покушение на посла Иордании в Лондоне. В 1972 году террористы «Аль-Фатх» устроили нападение на резиденцию короля Иордании в Лондоне, захватили и убили 11 израильских спортсменов на олимпиаде в Мюнхене, провели серию диверсий против посольств и консульств Израиля в Амстердаме, Париже, Женеве, Монреале, Вене, Оттаве, Брюсселе, Киншасе, Буэнос-Айресе, Вашингтоне, Бангкоке.

Стратегия использования международного терроризма была пересмотрена руководством «Аль-Фатх» после арабо-израильской войны 1973 года. Под давлением Запада Арафат отказался от проведения террористических операций. Но группы «Аль-Фатх», подчинявшиеся Абу Джихаду,

неоднократно нарушали политику Арафата. После того как в апреле 1973 года израильские командос застрелили в Бейруте Мухаммада Юсуфа ан-Наджара, Абу Джихад окончательно утвердился как второй человек в ООП и управляющий силовыми структурами этой организации. Его прочили в преемники Ясира Арафата, что означало бы стремительную эскалацию боевых действий, поскольку Абу Джихад отрицал даже самую возможность переговоров с Израилем, считая, что воссоздать палестинское государство можно только вооруженным путем. И террористические акции продолжились.

1973 год начался с атаки израильского агентства в Париже, затем румынской разведке, курировавшей ООП по «просьбе» советского КГБ, стало известно, что под руководством Абу Джихада террористы собираются взять в заложники американских дипломатов в столице Судана Хартуме и обменять их на убийцу Роберта Кеннеди Сирхан Сирхана. Попытка остановить Абу Джихада успехом не увенчалась. Палестинцы захватили участников дипломатического приема в саудовском посольстве в Хартуме. 2 марта, после того как президент США Р. Никсон отказался пойти на сделку, террористы убили американского посла, его заместителя и бельгийского поверенного в делах. Кстати, из перехваченного радиообмена между

Арафатом и Абу Джихадом явствовало, что приказ убить американского посла дал Арафат. В сентябре того же года террористы предприняли ракетную атаку на самолет израильской авиакомпании Эль-АЛ в Риме.

С 1974 по 1978 год израильские спецслужбы приписывали Абу Джихаду нападение на поселок Нахария, жертвами которого стали четверо еврейских поселенцев; нападение на тель-авивский отель «Савой», приведшее к гибели 10 и ранениям 12 израильтян; захват израильского автобуса, в ходе которого погибло 33 человека и 82 было ранено; убийство 38 израильтян в загородном клубе под Тель-Авивом. Эти и многие другие преступления сделали Абу Джихада в глазах израильтян врагом № 2 — после Абу Нидаля, чьи опорные базы находились в Сирии и Ливии. Кроме терактов на территории Израиля, за Абу Джихадом числились захват шести заложников в посольстве Египта в Мадриде и убийство посла Ирака в Великобритании.

Продолжающиеся атаки ООП с территории Ливана заставили Израиль совершить в 1982 году вторжение в эту страну. Бейрут, где находилась штаб-квартира ООП, был окружен. Большинству палестинцев разрешили выехать, и они отбыли в дружественные арабские страны. Арафат, Абу Джихад и прочие палестинские лидеры

обосновались в Тунисе, откуда продолжали осуществлять свою деятельность. В апреле 1985 года израильские пограничники обстреляли катер, на котором находились палестинцы. 20 боевиков было убито, 8 арестовано. В ходе допросов выяснилось, что готовилось убийство тогдашнего министра обороны Израиля Ицхака Рабина, организатором операции был Абу Джихад, руководитель военного отдела ООП. В сентябре того же года боевики из «Force-17» захватили на Кипре туристическое судно и убили трех израильтян. Это стало причиной налета израильской авиации в октябре на штаб-квартиру ООП в Тунисе. Она была разрушена. После этого силы «Аль-Фатх» были рассредоточены на территориях Йемена, Судана, Ирака и Алжира. ООП в это время оказалась в глубоком кризисе. Из-за идеологических и политических разногласий из нее вышли некоторые группировки. А Абу Джихад продолжал осуществлять личное руководство действиями палестинских боевиков против Израиля и израильских объектов на Западе. В феврале 1986 года боевики «Force-17» взорвали в Израиле автобус. При взрыве было ранено шесть человек.

Но терроризм составлял лишь одну сторону деятельности Абу Джихада. Обладая большим авторитетом в арабском мире, он стал в 1987 году

вдохновителем «интифады» — невооруженного восстания палестинцев на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. «Интифада» приняла формы бойкота товаров Израиля, атак на израильских поселенцев, демонстраций. Кроме того, по инициативе Абу Джихада восставшие истребляли информаторов израильских спецслужб. Однако от терроризма он не отказывался. В марте 1988 года в пустыне Негев боевики «Force-17» захватили автобус с заложниками из израильского атомного центра. Трое пассажиров были убиты. И тогда был поднят «Меч Гедсона».

АБУ НИДАЛЬ

Настоящее имя — Сабри Халиль Абдель Кадир эль-Банна (род. в 1937 г. — ум. в 2002 г.?)

Знаменитый палестинский террорист, лидер и создатель международной организации боевиков «Абу Нидаль» (ОАН), также известной как «Черный сентябрь». ОАН осуществлены теракты в 20 странах, на счету организации — около 900 убитых и раненых. Абу Нидаль стал олицетворением самого кровавого терроризма 80-х годов прошлого столетия, а его смерть, странная

и страшная, как и вся жизнь этого палестинца, оставила массу вопросов, ответа на которые не существует. С равной степенью достоверности можно считать официальную версию гибели террориста, представленную иракскими властями, правдивой либо ширмой, скрывшей от общественности истинное положение вещей. Ясно одно: требовать проведения полного расследования данного дела не будет никто; не найдется и лиц, которые бы горько оплакивали смерть этого 64-летнего человека, прозванного западной прессой «наемным пистолетом».

В том, что международный терроризм является врагом человечества номер один, убеждены все крупные политические лидеры и средства массовой информации мира. Спорить с этим желающих найдется немного. И в самом деле, сложно оправдывать действия, в результате которых гибнут ни в чем не повинные люди — их уничтожают во имя чьих-то убеждений, то есть непонятно во имя чего. Терроризм как тактика борьбы используется движениями самого различного толка, при этом сами боевики предпочитают именовать себя партизанами, борцами сопротивления, борцами за веру.

В 60-х годах прошлого века многие были убеждены, что мир стоит на пороге новой

революции. Студенческие и рабочие волнения в 1968 году в Европе, демонстрации протеста против войны во Вьетнаме и за равноправие чернокожего населения в США, восстания в Польше и ввод советских войск в Чехословакию, антиимпериалистическая борьба в странах Третьего мира поддерживали эти убеждения. Чтобы противостоять неизбежным в такой ситуации репрессиям и институциональной блокаде, многие решили взяться за оружие.

Сабри Халиль Абдель Кадир эль-Банна родился в мае 1937 года, в палестинском городе Яффа. Отец Сабри, один из самых богатых людей в подмандатной Палестине, владел 3000 гектаров земли от Яффы до Ашкелона, а также в секторе Газа и разбогател на торговле овощами и фруктами. Фактически этот человек контролировал 10 процентов продукции, которая экспортировалась из Палестины в Европу. Семье эль-Банна принадлежали также дома во Франции, Турции и Сирии. У отца семейства было 13 жен, которые подарили ему 16 сыновей и 8 дочерей. Сам Сабри являлся сыном восьмой жены, сирийки по происхождению. Отец стремился к тому, чтобы все его дети получили хорошее образование, поэтому многие братья и сестры мальчика отправились в Англию, где воспитывались в частных школах с хорошей репутацией. А Сабри отдал в

католическую французскую школу в Яффе, где будущий террорист успел окончить начальный курс. Когда в 1945 году мальчик потерял отца, старшие братья настояли на его переводе из католического в мусульманское учебное заведение. Теперь Сабри предстояло получать знания в престижной иерусалимской школе Аль-Умария.

29 ноября 1947 года Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию о разделе Палестины на два государства — арабское и еврейское. Вслед за этим начались вооруженные столкновения между представителями двух наций; вскоре бои достигли Яффы. Город был захвачен евреями, и семья эль-Банна вынуждена была уехать сначала в Маждали, а затем отправиться в лагерь палестинских беженцев «Аль-Бурдж», расположенный в печально известном секторе Газа.

Земли отца Сабри конфисковало израильское правительство, и теперь вся семья, привыкшая к спокойной жизни в красивом доме из 20 комнат, вынуждена была ютиться в обычной палатке среди десятков тысяч других таких же беженцев.

Эль-Банна, привыкшие к достатку, впервые в жизни столкнулись с настоящей нищетой. Ежедневно Сабри выстаивал огромные очереди, чтобы получить дневной паек, состоявший из картошки, риса и масла. День за днем мальчик растил в себе ненависть к тем, кто обрушил на него

и его семью страдания, нищету и отчаяние. Отныне врагами будущего террориста стали Израиль и Англия — именно они, по мнению Сабри, лишили его обеспеченного будущего. Лагерный кошмар продолжался долгие девять месяцев, после чего у семьи появилась возможность перебраться в Наблус. Этот крупнейший город Западного берега реки Иордан находился под контролем Иордании. Здесь эль-Банна помогли неплохо устроиться прежние связи главы семейства. К тому же в Наблус перебрались и многие служащие отца Сабри; спустя некоторое время они вновь начали работать на своих старых хозяев.

Обосновавшись на новом месте, 12-летний мальчик после годичного перерыва возобновил учебу. Правда, теперь ему приходилось посещать обычную государственную школу. В 1955 году, получив среднее образование, он поступил на инженерный факультет Каирского университета. Однако через два года будущего террориста исключили из этого учебного заведения и он был вынужден возвратиться в Наблус, так и не получив диплома. (Кстати, данный факт совершенно не мешал Абу Нидалю впоследствии неоднократно заявлять, что он является дипломированным инженером.)

По возвращении в Наблус Сабри некоторое время работал учителем в местной школе, но

особого призвания к педагогике не имел и данным видом деятельности явно тяготился. Поэтому в 1960 году он послушался совета старшего брата и уехал работать электриком в Саудовскую Аравию, в город Джидда. Однако Сабри был всегда очень привязан к своей семье, так что каждый год приезжал домой, чтобы навестить мать и пообщаться с родственниками.

Один из таких приездов поставил точку на его жизни холостяка: Сабри познакомился с девушкой и впервые задумался о необходимости создать семью. Вскоре он женился и вместе с супругой уехал в Саудовскую Аравию. Там у будущего лидера «Черного сентября» родилось трое детей: дочери Бизан и Наифа и сын Нидаль.

Молодой электрик постепенно стал увлекаться политикой. Он все чаще принимал участие в дискуссиях, которые устраивали члены палестинской общины. Новое увлечение привело эль-Банна в Партию арабского социалистического возрождения. Позднее членство в этой организации помогло Сабри завоевать расположение иракских властей. Почти одновременно с этим он вступил в созданную в 1965 году Ясиром Арафатом палестинскую организацию ФАТХ, попал в зону пристального внимания саудовских спецслужб, был арестован, подвергнут допросам и пыткам. В конце концов, измученного, но злого и несломленного

палестинца выдворили из страны. Неудивительно, что знаменитый террорист всю жизнь крайне негативно относился к Саудовской Аравии! В Наблус Сабри с семьей вернулся за несколько месяцев до «шестидневной войны», начавшейся 5 июня 1967 года. Вступление в город израильских войск стало глубокой травмой не только для эль-Банна, но и для многих палестинцев, нашедших в Наблусе убежище. Израиль оккупировал сектор Газа, Голанские высоты, Синайский полуостров и Западный берег реки Иордан. Эти события подтолкнули Сабри к активным действиям: он включился в подпольную борьбу.

Израильские спецслужбы, обосновавшись на Западном берегу реки Иордан, начали выявлять членов ФАТХа, поэтому эль-Банна вынужден был покинуть Наблус и отправился в столицу Иордании, Аман, где обосновались его старшие братья. Тогда же Сабри выбрал себе псевдоним и стал называться Абу Нидаль: в переводе с арабского это означает «отец Нидаля» и «отец борьбы». В те годы он поддерживал тесный контакт с одним из заместителей Арафата, Салахом Халафом, и благодаря его протекции быстро продвинулся по служебной лестнице. Правда, руководство организации уже тогда отмечало не только его инициативность и стальную волю, но и честолюбие, временами переходившее в жестокость. Тем не

менее, Абу Нидадь стал одним из первых членов ФАТХа, направленных для прохождения военной подготовки сначала в Китай, а затем в Северную Корею. В 1969 году будущий террорист получил от своей организации направление в Судан — там планировалось открыть представительство ФАТХа, которое он должен был возглавить. Но через восемь месяцев Сабри обвинили в излишней самостоятельности и перевели в Ирак. Так начался длительный период его сотрудничества с Саддамом Хусейном.

В Багдаде Абу Нидадю удалось установить контакты с правительственными секретными службами, и в штаб-квартиру ФАТХ начали поступать сообщения о том, что отношения иракских властей и палестинца принимают неожиданный и не слишком хороший оборот. Тогда Арафат впервые задумался об истинных целях, которые преследовал его представитель, — ведь ФАТХ придерживался того мнения, что необходимо как можно меньше зависеть от арабских стран.

Абу Нидадь все чаще отказывался следовать распоряжениям своего руководства, одновременно занимаясь укреплением контакта с местными спецслужбами. Вскоре он стал «палестинцем № 1» в Ираке. Используя свои новые связи, Абу Нидадь постепенно укреплял личную независимость.

Единство организации оказалось под угрозой, и Арафат направил в Багдад своих представителей, чтобы убедить Сабри изменить свою позицию и не вносить раскол в ряды ФАТХ. Но тот уже играл в свою игру и при поддержке иракских спецслужб в 1973 году занялся созданием собственной организации, которая должна была носить его имя. Поначалу она состояла из 150–200 человек и представляла собой одну из первых палестинских террористических группировок, получивших поддержку на государственном уровне. Боевики Абу Нидаля действовали в 20 странах на трех континентах: от них нельзя было укрыться ни в Европе, ни в Африке, ни в Азии. Скоро на счету террористов было уже 200 актов насилия, жертвами которых стали американцы, израильтяне, европейцы, арабы и представители Организации освобождения Палестины.

Вчерашний друг Ясира Арафата, Сабри постепенно превратился в его злейшего врага. Эль-Банна ставил в вину Арафату и другим руководителям ФАТХа «избыточную умеренность» и протестовал против идеи мирного урегулирования палестинского конфликта и арабоизраильского противостояния. Бывшие соратники, по мнению Сабри, предали палестинскую революцию, поскольку готовы были вести переговоры с сионистами. К тому времени

Абу Нидаль сформулировал основные принципы деятельности собственной организации. Предполагалось, что она будет прилагать все силы для уничтожения «сионистского образования» (так Сабри называл Израиль), укрепления арабского единства и освобождения Палестины, которая должна была превратиться в демократическое государство. Каждый, кто предавал «палестинское дело», подлежал немедленному уничтожению. С тех пор жизненным кредо Абу Нидаля стало: «Я убиваю, следовательно, я существую»... Он считал, что арабы — единый народ, а их общая родина просто была насильственно расчленена в результате империалистических заговоров. Поэтому Палестина должна была, по его мнению, стать составной частью Сирии. А поскольку Израиль, пользующийся поддержкой международного империализма, является отнюдь не гипотетической опасностью для арабов, последние просто-таки обязаны объединиться для борьбы против него. Результатом такой войны должен был стать единый арабский народ, жить которому равноправно и свободно до сих пор мешали оккупанты-сионисты.

У Абу Нидаля слова, к сожалению, с делом обычно не расходились. Поэтому он не стал удовлетворяться теорией и перешел к практическому воплощению в жизнь собственных призывов. Его группа провела первый

террористический акт уже 5 сентября 1973 года: боевики захватили посольство Саудовской Аравии в Париже, превратив 11 его работников в заложников. В тот же день Сабри эль-Банна официально исключили из рядов ФАТХа. Похоже, террориста это событие ничуть не расстроило. В декабре того же года он и Ахмед Гафур убили в аэропорту Афин 55 человек. В октябре 1974 года Сабри по-своему выразил отношение к бывшим соратникам, организовав покушение на «правую руку» Арафата — Абу Мазена. Следующей жертвой группы стал лидер ООП, неосторожно заявивший о признании права евреев жить в Палестине. На этот раз удача отвернулась от убийц — они были схвачены, так и не успев выполнить возложенную на них миссию. Тогда Сабри вновь переключился на уничтожение сторонников Арафата. После проведения акций по устранению Саида Хаммами и Иссама Сартави эль-Банна, как экстремист, трибуналом был заочно приговорен к смертной казни. С того момента вспыхнула настоящая война между организациями бывших друзей, которые теперь старались уничтожить друг друга.

В 1980 году Сабри был назначен властями Ирака руководителем «Политического комитета палестинской революции в Ираке», объединившего все палестинские группировки, поддерживаемые

Багдадом. В 1981 году он получил на нужды своих боевиков 50 млн долларов от правительства страны, миллион от правительства Сирии и несколько миллионов — от Ливии. На эти средства были созданы радиостанция «Голос Палестины», газета «Палестинская революция» и информационное агентство ВАФА.

Однако в ноябре 1983 года спокойная жизнь Сабри в Ираке закончилась: его выслали в Сирию. Там, на родине своей матери, ему предстояло прожить долгих пять лет. Интересно, что президент Хафез Асад принял террориста весьма радостно, «забыв» о многочисленных нападениях Абу Нидаля на его граждан. Теперь, по указке нового босса, палестинец занялся организацией актов против Иордании. Все складывалось для него удачно, пока в конце 80-х годов Асаду не пришлось позаботиться об улучшении отношений с западными странами. Для этого прежде всего было необходимо отказаться от поддержки международного терроризма. Таким образом, Абу Нидаля вновь лишили своего пристанища и был вынужден отправиться в Ливию.

Каддафи принял боевика, считавшегося уже даже среди сообщников редким параноиком и крайне жестоким деспотом, с распростертыми объятиями. Но очередной переезд плохо сказался на организации: всплыло большое количество

разногласий, что впервые поставило группу на грань ликвидации. Ее боеспособность помог сохранить Саддам Хусейн, вовремя вмешавшийся и оказавший поддержку Сабри. В 1990 году ливийский диктатор также пришел к заключению, что пребывание у власти его вполне устраивает, поэтому ему стоит поумерить выражение ненависти к США и Израилю. Так что в 1998 году Абу Нидаля выдворили и из Триполи. Скорее всего, к тому времени террорист уже имел серьезные проблемы с сердцем, к которым добавилась лейкемия. После того как ему отказались предоставить вид на жительство практически все остальные арабские страны, эль-Банна возвратился в Ирак. Хусейн, в качестве платы за убежище, решил использовать боевиков Сабри в собственных целях. Абу Нидаля не стал отказываться: в то время он сам находился в сложных условиях, поскольку в одном из банков Австрии полиция конфисковала около 8 млн долларов, принадлежащих ему лично. А когда возникла угроза блокирования его счетов швейцарскими банками, Сабри похитил находившегося в Ливане представителя швейцарского Красного Креста. Вскоре террорист вынужден был вновь отправиться в путь — теперь он искал убежища в Судане.

Абу Нидаля, старавшийся сохранить анонимность своей группы, упорно избегал встреч с

журналистами и интервью. Отказывался он от этой тактики всего несколько раз за свою деятельность. В частности, в декабре 1974 года «отец борьбы» общался с представителем ливанской газеты «Ад-Диар», в июле 1978 года встречался с корреспондентом английского издания «Миддл Ист», а в 1985 году, когда в прессу просочились слухи о его смерти, беседовал с сотрудниками немецкого журнала «Дер Шпигель» и кувейтской газеты «Аль Кабас».

Со временем поведение «террориста № 1» и его осторожность приняли параноидальную форму. Приближенные Сабри говорили: недоверчивость босса доходила до того, что он подозревал в связях с ЦРУ даже... собственную жену! Постепенно Абу Нидаль перестал разговаривать по телефону: он был убежден, что его могут взорвать. В отношении пищи террорист вел себя подобно правителям древности: опасаясь отравлений, он никогда не приступал к еде прежде, чем каждое блюдо не пробовали несколько человек. Ближайший сподвижник Абу Нидаля утверждал, что «отец борьбы» виновен в уничтожении сотен собственных сторонников в Ливане и Ливии: только в ходе одной секретной операции, проведенной в 1989 году, стараниями Сабри отправились к праотцам 352 члена организации, которых обвинили в некотором расхождении

взглядов с руководителем. Кроме того, с 1987 по 1989 год в Ливии Абу Нидаля устранил 152 представителя оппозиции в собственной группе. После этого в рядах «Революционного совета ФАТХ» была проведена грандиозная «физическая чистка», в ходе которой уничтожались даже близкие друзья и сторонники Сабри: их обвиняли все в тех же «расхождениях в политических взглядах». Абу Нидаля любил проводить казни или пытки далеко за полночь, накачавшись к тому времени по уши спиртным. Как выразился Дэвид Хирст, эль-Банна из патриота превратился в психопата, а его группа — в банальных наемников.

А «Организация Абу Нидаля» создавала все новые ячейки. Теперь террористы обосновались практически по всему Ближнему Востоку. Количество боевиков, находившихся под началом «отца борьбы», увеличилось до 400 человек (кроме того, число агентов составляло 2000).

Организация, построенная Сабри, действовала по клановому принципу и состояла из нескольких функциональных комитетов: финансового, политического и военного. Каждый террористический акт совершали небольшие группы (от трех до пяти человек), практически не связанные друг с другом. Конспирация была настолько строгой, что члены ячеек ничего не знали о составе и роде занятий других групп, «работали»

исключительно под псевдонимами, сообщения тщательно шифровались и передавались через специальных курьеров.

Излюбленными местами проведения диверсий у боевиков Абу Нидаля оставались аэропорты, посольства, места массового скопления народа. Налеты, похищения, убийства, угоны самолетов и кораблей следовали одни за другими и отличались особой циничностью и наличием большого количества жертв. Сабри считают организатором терактов в аэропортах Рима и Вены, в ходе которых погибло 18 человек. На его совести также захват и уничтожение израильской команды в Олимпийской деревне в Мюнхене, целый ряд акций во Франции в 80-х годах прошлого века, среди которых числится взрыв в синагоге и вооруженный налет на еврейский ресторан. Сабри приписывают взрыв американского самолета, происшедший почти 16 лет назад в небе Шотландии, убийство израильского посла в Великобритании (1982 г.) и множество других «дел». Правда, всплыла информация, что именем знаменитого террориста иногда прикрывались другие организации боевиков и государственные военные разведки. Сам Абу Нидаль получал за это солидные денежные выплаты. В архивах большинства спецслужб мира содержится огромное количество документов о деятельности эль-Банна: в 70–80-х годах

минувшего столетия он был столь же печально известен, как сегодня бен Ладен.

Во время своей активной «деятельности» Сабри неоднократно получал поддержку от Сирии, Ирака, Иордании и Ливии: ему предоставлялись убежища, учебные лагеря, обеспечивалась тыловая и финансовая поддержка. При этом Абу Нидаль проводил операции, исходя исключительно из собственных представлений о политической ситуации в мире. Кроме того, две трети бюджета боевиков (группа Сабри являлась одной из богатейших террористических организаций) составляли деньги, полученные в ходе проведения самих актов и благодаря торговле оружием.

Сам Сабри также не был чужд коммерции. Он активно занимался перепродажей боеприпасов. Бизнес процветал: на нем террорист заработал около 400 млн долларов. По свидетельству близких, эль-Банна имел деловые связи с лондонским «Кредитно-коммерческим банком» и спецслужбами ГДР.

В течение последних лет ни одна из спецслужб не обвиняла Сабри в проведении террористических операций. Его группа была практически расформирована, но «отец борьбы» продолжал заниматься бизнесом, пытаясь извлечь максимум выгоды из своих старых знакомств. На мировой арене появились новые террористические

организации, установившие свои правила игры. Смертельно больному Абу Нидалю уже не было места среди них.

19 августа 2002 года Сабри эль-Банна был найден мертвым в своей квартире в Багдаде. По официальной версии, лидер боевиков покончил с собой, когда его пытались задержать для допроса. Террорист, якобы нелегально приехавший в страну по фальшивому йеменскому паспорту, во время задержания вышел в соседнюю комнату, чтобы переодеться. Вместо этого он выстрелил себе в рот. Пуля прошла навывлет. Через восемь часов Абу Нидаля скончался в реанимационном отделении больницы, так и не придя в сознание.

Однакостораживает тот факт, что руководитель спецслужб, Джалил Хабуш, так и не назвал точной даты происшедшего. По данным газеты «Аль Айам», Сабри покончил с собой в пятницу, иные источники называют другие дни. А недавно один из членов организации Абу Нидаля вообще опроверг информацию о гибели своего патрона. Согласно его утверждению, террорист продолжает вести обычную жизнь, а слухи о его гибели — не более чем очередная «утка». Вслед за этим представитель ФАТХ в Бейруте обвинил американские спецслужбы в распространении ложной информации. Но Джалил Хабуш по-прежнему продолжает утверждать, что

знаменитый террорист покончил с собой во время ареста. Официальные источники подчеркивают, что эль-Банна был неизлечимо болен и попросту решил приблизить собственную смерть. Однако близкие и родственники этого человека говорят, что он обладал огромной силой воли и не горел желанием самостоятельно уйти из жизни. А саудовские газеты наперебой убеждают читателей, что «отец борьбы» был убит сотрудниками иракских спецслужб еще 16 августа, в 15.00 по багдадскому времени. Кстати, палестинские источники не торопятся подтвердить информацию о гибели Абу Нидаля...

В общем, сказать точно, жив Сабри эль-Банна или нет, трудно. Хотя устранение этого человека было выгодно многим — удивительно, что он вообще смог прожить столь долгую жизнь. Но — кто знает! — может быть, печально известный террорист в очередной раз попросту обвел своих недругов вокруг пальца, а сам в данный момент преспокойно занимается разработкой новых планов и коммерческими операциями...

АГДЖА МЕХМЕД АЛИ

(род. в 1958 г.)

Известный всему миру турецкий террорист, член ультраправой экстремистской организации «Серые волки», совершивший несколько вооруженных ограблений в Турции, убийство известного журналиста и одно из самых громких покушений XX в. — на Папу Римского Иоанна Павла II.

Так сложилось исторически, что на религиозной почве всегда возникало и возникает сейчас гораздо большее количество вооруженных конфликтов, чем по каким-либо другим причинам. Люди различных вероисповеданий с помощью оружия на протяжении многих веков упорно пытаются обернуть иноверцев в свою религию, несмотря на то что история знает лишь единичные случаи такого обращения, увенчавшиеся успехом. Идея, за которую гибнут десятки, сотни тысяч человек во всем мире, здесь ясна. А вот какую цель преследовал мусульманин Али Агджа, стреляя в главу всех католиков, Папу Римского, — неизвестно до сих пор и вряд ли когда-нибудь прояснится. Даже если среди нескольких десятков уже выдвинутых версий выплывет одна правдивая, она, скорее всего, просто затеряется среди остальных — правдоподобных, неправдоподобных и совсем фантастических. А если эта версия выйдет из уст самого террориста Али Агджи, в нее уже точно никто не поверит.

Али Агджа родился 9 января 1958 года в турецком поселке Хекимхан, в бедной семье крестьянина-издольщика. С раннего детства он страдал от припадков эпилепсии. Когда мальчику исполнилось восемь лет, умер его отец, и ему, несмотря на ранний возраст и болезнь, пришлось зарабатывать себе на жизнь, настолько бедной была

его семья. Сначала он работал водоносом, затем — подсобным рабочим на стройке в Малатье. Ребенок рос замкнутым, почти не имел друзей, зато обладал богатой фантазией и очень хорошо учился в школе. Особенно ему давались сочинения. Несмотря на совсем небольшое количество свободного времени, Али успевал заниматься самообразованием — много читал, ходил в театр. За свои способности и отличную учебу он получил стипендию в педагогическом училище. Именно тогда Агджа впервые попал в полицейский участок — за сочинение антиармянских стихов. В кумиры себе молодой человек избрал Карлоса (известный международный «революционный террорист» Ильич Рамирес Санчес) и Гитлера. После окончания училища юноша изучал в университете Анкары литературу, историю и географию.

В 1978 году Али Агджа был зачислен в высшую школу экономики и торговли Стамбульского университета. В это время Турция находилась на пороге гражданской войны, возникало огромное для масштабов одной страны, количество террористических организаций, в одну из которых и вступил молодой Агджа. Она носила название «Серые волки» и враждебно относилась как к коммунизму, так и к капитализму, ее члены мечтали о создании Великой Турции от Средиземного моря до Монголии. Али Агджа

входил в группу террористов, состоявшую из 7–8 человек, которой поручались наиболее ответственные и сложные задания. Существует недоказанная версия о том, что попал он в такую элитную группу после того, как в 1977 году «грамотно» убил своего преподавателя философии, нелестно отзывавшегося об одном из его кумиров — Гитлере. Степени бакалавра, несмотря на незаурядные умственные способности, Агджа не получил — участие в экстремистской группировке отнимало слишком много времени и сил.

Широкой общественности имя Али Агджи стало известно в 1979 году. Тогда, 1 февраля, в Стамбуле на улице Каракал перед собственным домом был убит популярный журналист из газеты «Миллиет» Абди Ипекчи, активно выступавший против терроризма в целом и турецких правых экстремистов в частности. После этого события Агджа был моментально зачислен «Серыми волками» в террористы № 1 и получил прозвище «Одиночка». За информацию об убийце полиция объявила награду в 200 тыс. долларов. Благодаря анонимному звонку Агджу арестовали довольно быстро. Что примечательно, за наградой никто не явился. Террорист не сопротивлялся аресту и в дальнейшем вел себя достаточно спокойно. Глава Министерства внутренних дел Турции, присутствовавший на допросах убийцы, так

охарактеризовал его: «Умный парень. Знает, что делает и что говорит. Турецкие террористические организации, как правило, нанимают для этих дел неграмотных бандюков. Агджа не из них. Быстрореагирующий, сильный и отважный. Прекрасно вышколенный и дисциплинированный. Не слишком озабочен собственной защитой. Его больше беспокоило, чтобы не выявить своих связей». Можно себе представить, насколько ценили этого человека «Серые волки», если такие уважительные слова прозвучали из уст стража правопорядка. Поначалу Агджа признался следствию в совершении этого преступления, однако вскоре отказался от своих показаний и заявил, что не убивал журналиста и не знает, кто это сделал. 5 ноября 1979 года он и еще один заключенный, захватив заложников, попытались бежать из хорошо охраняемой военной тюрьмы Картал-Мальтепе, но были схвачены и возвращены обратно. Однако уже 22 ноября при помощи шестерых солдат Агджа успешно бежал из тюрьмы, переодетый в военную форму. Достоверно не известно, был ли этот побег организован самим террористом или здесь все же не обошлось без помощи его соратников из «Серых волков».

Через четыре дня после побега, накануне приезда Папы Римского в Турцию, в газете «Миллиет» вышла статья, подписанная «Али

Агджа», в которой автор сообщал о своем намерении убить «вождя крестоносцев Иоанна Павла II». Правоохранительные органы не обратили особого внимания на эту статью, сочтя ее простым хулиганством, и действительно, визит понтифика прошел спокойно.

В апреле 1980 года скрывающийся от правосудия Агджа за убийство Абди Ипекчи был заочно приговорен турецким судом к смертной казни. С мая по сентябрь этого же года террорист под именем Йогиндера Сингха, гражданина Индии, скрывался в Иране и Болгарии. Как стало известно позже, за полтора года, прошедшие со дня побега из тюрьмы до дня покушения в Риме, он побывал в Софии, Риме, Вене, Цюрихе, Милане, Тунисе, потратив за это время около 50 тыс. долларов. Правда, установить, с кем Агджа вступал в контакты за этот период времени, так и не удалось. В начале мая 1981 года террорист приехал в Рим и снял комнату в пансионате «Иса», расположенном неподалеку от Ватикана.

13 мая 1981 года произошло событие, повергшее в ужас всех католиков планеты. Папа Римский Иоанн Павел II, в прошлом — польский кардинал Кароль Войтыла, чаще всех своих предшественников напрямую общался с народом, что принесло ему огромную популярность. Однако обратной стороной этой доступности и близости к

народу была его относительная незащищенность. В среду — традиционный день общей аудиенции — папа благословлял толпы народа, стекавшиеся на площадь Святого Петра в Риме. На белом джипе с открытым верхом, двигавшемся на самой маленькой скорости, Иоанн Павел II объезжал ряды верующих, пожимая им руки и благословляя. Автомобиль сделал один круг по площади и пошел на второй, повернув к собору Святого Петра. В 17 часов 19 минут папа взял на руки маленькую светловолосую девочку, прижал ее на мгновение к себе и отдал счастливым родителям. И в этот самый момент из толпы, совсем рядом с автомобилем Иоанна Павла II, прогремело шесть выстрелов подряд. На белом одеянии понтифика проступило красное пятно, и он упал на руки своего личного секретаря, епископа Станислава Дживича. Две пули, выпущенные из автоматического браунинга 9-го калибра, попали папе в брюшную полость, задев указательный палец правой руки, и в правый локоть. Телохранители, прикрывая собой Иоанна Павла II, бросились в автомобиль, который мгновенно сорвался с места и помчался под Колокольную арку в Ватикан, где папу переложили на носилки и увезли на карете «скорой помощи» в госпиталь Агостино Джемелли, принадлежащий медицинскому факультету католического университета. Машина домчалась до клиники за

семь минут, несмотря на пробки и сломанную сирену. Понтифика, потерявшего за время дороги около трех литров крови, сразу же положили на операционный стол. К счастью, ни позвоночник, ни другие жизненно важные органы не были задеты — жизнь главы католической церкви была вне опасности. Уже через три дня после операции Иоанн Павел II в ходе воскресной службы, проходившей прямо в госпитале, назвал своего несостоявшегося убийцу «братом».

Стрелявший в папу 23-летний Али Агджа был схвачен сразу же после того, как отъехала машина понтифика, — в дни встреч Иоанна Павла II с верующими на площади собиралась такая плотная толпа народа, что выбраться из нее было фактически невозможно. Убийца даже не успел выпустить из рук пистолет. Его увезла полиция, и площадь Святого Петра погрузилась в тишину. Люди не спешили расходиться: одни молились, встав на колени, другие тихо плакали.

На судебном процессе, проходившем в Риме с 22 по 24 июля 1981 года, Али Агджа заявил, что Папа Римский — «это вождь крестового похода против моей религии, это он несет ответственность за нападки Запада против ислама». Итальянский суд признал турецкого террориста виновным и приговорил его к пожизненному заключению. Агджа отбывал свой срок в одиночной камере. 27

декабря 1983 года Иоанн Павел II встретился с ним в этой камере один на один. Папа не пожелал предавать огласке содержание их беседы, известно только, что он сказал заключенному, что простил его, о чем официально заявлял и ранее, сразу после выхода из больницы. В течение всего срока пребывания в итальянской тюрьме Агджа посылал понтифику поздравления с различными праздниками и другими знаменательными событиями, на что получал в ответ благодарность и очередное заверение в том, что он прощен. Неудавшийся убийца, как выяснилось позднее, небезосновательно надеялся получить помощь от неудавшейся жертвы.

Однако итальянские власти не были настроены столь великодушно, как папа, они хотели знать, кто стоит за покушением, и допросы террориста продолжались. По некоторым данным, Агджа выдвинул целых 128 версий своего преступления. По одной из них, «приказ убить папу пришел из советского посольства в Софии». На основании этой версии, которую Агджа поддерживал два с половиной года, было арестовано три человека, так или иначе связанных с советскими спецслужбами в Болгарии. Однако суд не нашел достаточных оснований для предъявления им обвинений и отпустил всех троих на свободу. Но несмотря на это, итальянские спецслужбы все же

высказывались в пользу версии об участии КГБ в покушении на папу. Но вскоре Агджа сообщил, что версию с Болгарией и КГБ ему навязал сотрудник итальянской военной разведки, посещавший его в тюрьме, связанный с ЦРУ и мафией. Еще позднее Али дал показания о том, что у него был сообщник — Бекир Челенк, крестный отец турецкой мафии в Софии, имевший связи с военизированной масонской ложей «Пропаганда-2». Показания Агджи постоянно менялись до тех пор, пока 13 мая 2000 года, через 19 лет после покушения на Папу Римского, не был обнародован так называемый «третий секрет Фатимы».

Согласно легенде, 13 мая 1917 года в португальской деревне Фатима трем детям-пастушкам явилась Дева Мария, открывшая им три пророчества. Первое из них говорило о том, что преисподняя существует. Второе — об окончании Первой мировой войны, скором начале Второй и возрастании роли России в истории человечества. Третье пророчество долго держалось в тайне, записи его хранились в Ватикане и тщательно скрывались от посторонних глаз до тех пор, пока Иоанн Павел II сам не совершил паломничество в Фатиму и не пообщался с единственной оставшейся в живых пастушкой, получившей откровение от Богородицы. «Третий секрет Фатимы» гласил о мятущейся толпе и

«епископе, белые одежды которого окропились кровью». Как только сведения об этом пророчестве попали в средства массовой информации, Али Агджа, обладавший яркой фантазией и незаурядным умом, выдвинул новую, мистическую версию своего преступления. Он созвал у себя в камере пресс-конференцию, на которой заявил, что во время подготовки к покушению и собственно в момент оною им овладела «какая-то непонятная, сверхъестественная сила», что он — «всего лишь человек, который должен был ранить папу», и «являлся орудием высших сил». Эту версию живо поддержал и сам Папа Римский, заявив, что «никогда не верил в так называемую болгарскую связь», которая казалась итальянским правоохранительным органам наиболее правдоподобной.

Известно, что Иоанн Павел II лично обращался к президенту Италии Карло Азелио Чампи с просьбой о помиловании человека, покушавшегося на его жизнь. И вот 13 июня 2000 года отсидевший 19 лет в итальянской тюрьме Али Агджа был официально помилован лично президентом и выдан турецким властям. За время, проведенное террористом за пределами родины, вынесенный ему в 1980 году смертный приговор был заменен на 10 лет тюремного заключения. Несмотря на то что помимо этих десяти лет ему

грозило еще лет семь за всплывшее уже после его побега вооруженное ограбление стамбульской фабрики в 1977 году, Агджа был счастлив и не скрывал своей радости: «Осуществилась моя мечта. Я все еще не могу поверить в это. Спасибо Папе Римскому, спасибо Ватикану, спасибо президенту Италии!» Возможно, в тот момент эти слова были действительно искренними. На аэродроме в Стамбуле Али Агджу встречали два бронетранспортера, три полицейских автобуса и четыре машины сопровождения. Родина помнила своего «героя» в лицо и приняла все возможные меры предосторожности, чтобы не допустить повторения истории 20-летней давности.

Оказавшись на родине, Агджа передал из тюрьмы письмо в турецкие средства массовой информации с новой версией покушения на Папу Римского, также связанной с предсказаниями в Фатиме, но уже менее мистической, чем предыдущая. В письме говорилось, что покушение на Иоанна Павла II было организовано группой ватиканских кардиналов, сознательно искаживших смысл «третьего секрета Фатимы», для того чтобы отвести от себя подозрения. По мнению террориста, пророчество было представлено людям не до конца, так как Дева Мария предсказала не только само покушение, но и то, что оно будет организовано приближенными Папы Римского. Но судьбу Агджи

это заявление изменить уже не могло — в Италии его помиловали, а Турцию больше волновали преступления, совершенные им на ее территории. Вряд ли Агджа осмелился бы заявить нечто подобное из итальянской тюрьмы, а если бы даже сделал это, то, скорее всего, сидел бы там весь свой пожизненный срок. В турецкой тюрьме террорист расслабился и вел себя не так мирно и тихо, как в итальянской. Он, явно играя на публику, выдавал одно за другим заявления скандального характера, касающиеся в основном вопросов религии. Например, по словам Агджи, Святой престол якобы предложил ему 50 млн долларов за то, чтобы он сменил мусульманскую веру на католическую, естественно, террорист остался верен своим жизненным принципам: «Мне предлагали свободу и сан кардинала, но я отказался, ибо предпочту быть обезьяной в африканских лесах королевской должности в Ватикане». На судебном процессе по делу о вооруженном ограблении, проходившем в Стамбуле, он заявил, что объявляет войну Ватикану. А немного позже — что хотел бы удалиться от мирской суеты и жить в маленьком селении.

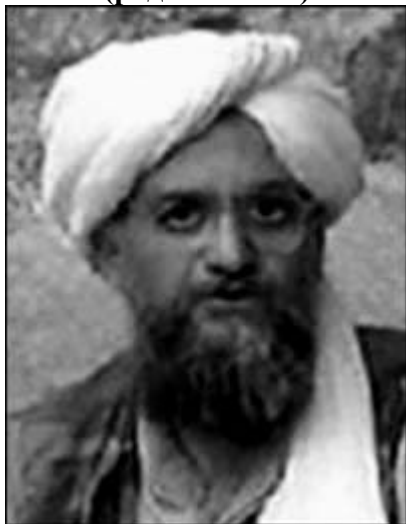
Сегодня, несмотря на дерзкие, зачастую совершенно противоречивые заявления и тяжесть своих преступлений, человек, совершивший одно из самых громких и дерзких покушений в истории

XX века, находится на свободе. В мае 2002 года министр юстиции Турции Хикмет Сами Турк объявил об амнистии 44-летнего Али Агджи, которому еще оставалось отбыть в заключении не менее девяти лет. И дело здесь, скорее всего, не в великодушии турецких властей и не в чистосердечном раскаянии террориста, а в том, что на последних парламентских выборах второе место заняла правая Партия Националистического Движения, имеющая весьма тесные связи с «Серыми волками», очевидно, даже за 20 лет не забывшими своего героя.

Вспоминая о событиях, происшедших в мае 1981 года, Иоанн Павел II как-то сказал: «Все время после этого дня мне было подарено Провидением». Судя по всему, он оценил этот «подарок». Страдающего болезнью Паркинсона и артрозом 84-летнего Папу Римского возят теперь по улицам в его знаменитом, со всех сторон бронированном, «папамобиле», он больше не общается с верующими настолько тесно, как раньше. Прощенный им и правительством своей страны турецкий террорист Мехмед Али Агджа живет на родине тихой и спокойной жизнью, как и обещал незадолго до выхода на свободу. Вот только надолго ли хватит его спокойствия?

АЗ-ЗАВАХИРИ КАМИЛЬ АЙМАН МУХАММАД РАБИИ

(род. в 1951 г.)

Один из наиболее одиозных представителей «исламского» терроризма, чья преступная деятельность началась в 70-х годах прошлого века. Личный врач и «правая рука» Усамы бен Ладена, главный идеолог организации «Аль-Каида».

Камиль Айман Мухаммад Рабии аз-Завахири родился 19 июня 1951 года в Каире, в семье египетских аристократов. Отец его, Мухаммад аз-Завахири, был одним из лучших медиков Египта, профессором фармакологии, а дед по материнской линии, Абд аль-Ваххаб Аззам, занимал пост ректора Каирского университета, долгое время являлся послом Египта в Пакистане и Саудовской Аравии. Но, как оказалось впоследствии, большее влияние на Аймана оказал его дед по отцу — авторитетнейший теолог Рабиа аз-Завахири, который в начале XX века был шейхом крупнейшего в мире Каирского исламского университета Аль-Азхар.

Еще во времена президента Гамаля Абдель Насера 14-летний Айман примкнул к организации «Мусульманское братство». Когда подростку было всего 15 лет, его арестовали как члена старейшей фундаменталистской организации Египта «Братья-мусульмане». Но вскоре вынуждены были выпустить на свободу — за отсутствием состава преступления.

Продолжая семейную традицию, в 1974 году Айман окончил медицинский факультет Каирского университета и получил диплом хирурга. Молодой врач к тому же великолепно владел французским языком и отличался литературным талантом.

Однако подлинное призвание Аймана смог угадать вовсе не его отец, а дед, Рабиа аз-Завахири.

В 1970-х годах Айман стал одним из лидеров египетской экстремистской группировки «Аль-Джихад аль-ислам», отколовшейся от «Братьев-мусульман». Став самостоятельной, группа аз-Завахири оказалась наиболее мощной и заложила новую стратегию и структуру на основе тезисов старой организации. Ее международная активность отразила нетрадиционные оценки учения о «враге дальнем» и «враге ближнем». В работе «Последнее завещание» аз-Завахири писал, что борьба за создание исламского государства никак не может считаться войной региональной, поскольку «альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США», сделает все возможное, чтобы не дать мусульманским силам прийти к власти в одной из стран. Поэтому борьба должна вестись как против внутреннего врага (вероотступников), так и против «крестоносцев и сионистов». Причем войну с последними ни в коем случае не стоит откладывать, поскольку так будет значительно легче одержать победу на «внутреннем фронте». Небольшие группы боевиков, считал аз-Завахири, должны наводить «большой страх» на «врагов ислама». Для этих целей планировалось проводить акции, от которых «враг будет нести огромные потери». Подобная тактика, утверждал

аз-Завахири, является единственным языком, «который понимает Запад». При этом самым эффективным тактическим оружием египтянин считал «готовность моджахедов к самопожертвованию».

Позднее Айман стал руководителем группы, состоявшей из 1000 «египетских афганцев» — граждан АРЕ, ветеранов войны в Афганистане, составивших «костяк» «Аль-Каиды».

В середине 1980-х годов бывший врач возглавил внешнее руководство «Аль-Джихада» в Афганистане. С того времени, наряду с египетской организацией, в разных странах возникли внешние структуры и ячейки, самостоятельно определявшие свою военную стратегию и дублирующие структуру прежнего «Аль-Джихада». К середине 1990-х годов такие ячейки действовали в девяти государствах мира: пяти арабских, трех европейских и одном азиатском.

Айман является автором нескольких фундаментальных трудов по истории, теории и практике исламских движений. Наиболее известным из них является «Горький урожай»; в этой книге аз-Завахири критически переосмыслил деятельность «Братьев-мусульман».

Молодого врача, работавшего в престижной клинике в одном из лучших районов Каира, впервые арестовали в октябре 1981 года. Причиной

ареста послужило то, что он принимал активное участие в организации убийства Садата на военном параде в каирском районе Наср-сити. И снова аз-Завахири быстро оказался на свободе: доказательств его причастности к убийству следственным органам собрать не удалось. Позднее, в 1990-х годах, Аймана обвиняли в большом числе попыток покушения на видных египетских политиков. Его группа начала свои акции с убийства председателя парламента Рифата Махгуба. Наиболее шумным стало покушение на тогдашнего премьер-министра Атефа Сидки. Тогда же, в 1993 году, аз-Завахири осуществил теракты против министра печати и информации Сафвата аш-Шарифа, министра внутренних дел Хасана аль-Альфи и генерала Мухаммада Абд аль-Латифа аль-Гобаши. Через год жертвой бывшего врача стал генерал службы безопасности и начальник отдела по борьбе с религиозным экстремизмом Рауф Хейрат. В 1995 году группа распространила коммюнике с угрозами в адрес президента Египта Хосни Мубарака. В том же году боевики аз-Завахири в Женеве шестью выстрелами в упор в подземном гараже убили торгового представителя Египта Аля ад-Дин Назами. Через шесть дней террористы устроили взрыв в посольстве Египта в Исламабаде; в результате погибло 18 человек. Попытку же теракта в центре Каира, в районе

известного базара Хан эль-Халили, спецслужбам удалось предотвратить буквально в последний момент. А в 1996 году аз-Завахири организовал и провел взрыв египетского посольства в Исламабаде. Кроме того, США обвиняют террориста в организации взрывов собственных посольств в Кении и Танзании летом 1998 года.

Когда после трагических событий в Каире в 1980 году египетские спецслужбы нанесли тяжелый удар по «Аль-Джихаду», организация находилась на грани уничтожения. Аз-Завахири, который был вынужден перебраться в Афганистан, задался целью возродить группу. В начале 1998 года она слилась с организацией «Аль-Каида». Аз-Завахири, по некоторым данным, являющийся не только близким другом, но и родственником бен Ладена, быстро занял положение «правой руки» главы организации и его личного врача. Считается, что египтянин — вероятный преемник бен Ладена, если лидер «Аль-Каиды» будет схвачен или убит.

На родине в 1995 году Аймана заочно приговорили к смертной казни, а три года спустя аналогичный приговор был вынесен и на территории США. 25 сентября 2001 года к розыску террориста подключился Интерпол, выдав ордер на его арест. После этого аз-Завахири бесследно исчез и лишь время от времени давал о себе знать, показывая, что складывать оружие он не

собирается. Самым страшным напоминанием миру стали теракты в США 11 сентября 2001 года (американские спецслужбы считают их главным организатором Аймана аз-Завахири).

В начале прошлого года бывший врач отправил письмо известному египетскому исламскому адвокату Мунтасеру аз-Зайату, в котором угрожал и впредь не отказываться от тактики проведения терактов против граждан Америки по всему миру.

А в конце мая 2003 года телекомпания Катара «Аль-Джазира» транслировала аудиозапись обращения аз-Завахири. В нем исламский лидер призывал мусульман совершать новые нападения на США и «брать пример с 19 братьев, атаковавших Америку в Нью-Йорке и Вашингтоне при помощи самолетов...» Помощник Усамы бен Ладена требовал не прекращать нападения на посольства и коммерческие представительства США, Великобритании, Австралии и Норвегии по всему миру, усиливая джихад против американцев и евреев. «Нападайте на их миссии, атакуйте их компании и их сотрудников. Превратите землю под их ногами в преисподнюю и вышвырните их из ваших стран», — говорил аз-Завахири. По его словам, мусульмане не одиноки в борьбе против американской оккупации. Кроме того, террорист заявлял, что президент Мушарраф является

ставленником США и поэтому делает все возможное для того, чтобы не допустить превращения Пакистана в сильное азиатское государство. Айман требовал от армии Пакистана бойкотировать приказы президента и поддержать боевиков «Аль-Каиды» и «Талибана» в районе Южного Вазиристана. Судя по острой реакции госдепартамента США, его специалисты не ставят под сомнение тот факт, что голос на пленке и в самом деле принадлежит аз-Завахири. Протест, выраженный американцами, содержал заявление, в котором говорилось: «Трансляция подобных посланий сеет ненависть по всему миру и способствует росту напряженности в регионе...»

20 декабря прошлого года террорист беседовал по телефону с представителем арабского журнала «Аль-Маджалля», который издается в Лондоне. «Правая рука» бен Ладена сказал, что его сторонники будут вести партизанскую войну в Афганистане. «США никогда не добьются победы», — уверенно заявил он. В марте этого года аз-Завахири дал интервью пакистанскому журналисту Хамиду Миру, своему биографу. В нем египетский доктор утверждал, что у «Аль-Каиды» есть ядерное оружие, и приобрели его исламисты у... российских ученых! Айман насмешливо сообщил, что «ядерные чемоданчики» можно свободно купить на черном рынке. Видя недоверие

журналиста, аз-Завахири сказал, что «если в вашем распоряжении есть 30 млн долларов, то стоит съездить в Центральную Азию, связаться с любым недовольным российским ученым, и вы получите доступ к большому количеству умных бомб в чемоданчиках». Кстати, аз-Завахири всерьез изучал перспективы временного пребывания в регионах постсоветского пространства. С этой целью он совершил короткие визиты в Азербайджан и Дагестан. На территории последнего террорист был задержан ФСБ по подозрению в организации диверсии, однако поскольку его личность в тот момент установить не удалось, египтянин был отпущен.

В течение последнего времени постоянно возникали слухи о поимке, ранении либо смерти аз-Завахири, но каждый раз они оказывались ложными. Этот демон вновь и вновь появлялся в самых разных уголках мира, как будто насмехаясь над стараниями и надеждами человечества избавиться от него. В распоряжении террориста были фальшивые документы (известно, что Айман пользовался как минимум 12 псевдонимами) и средства для изменения внешности. На одной из фотографий, вклеенных в такой паспорт, «правую руку» Усамы бен Ладена не смогли узнать даже близкие люди.

За голову главного идеолога «Аль-Каиды» США назначили награду в 25 млн долларов. Столько же спецслужбы готовы выложить за информацию, которая может привести к захвату террориста. На официальном сайте ФБР этот человек числится в списке «самых разыскиваемых» американским правосудием преступников, а среди самых опасных международных террористов занимает второе место — после собственного босса. Хотя, если говорить откровенно, многие специалисты считают аз-Завахири таким «серым кардиналом» — основной фигурой, мозгом организации, скрывающейся в тени столь одиозной фигуры, как бен Ладен. Последний фактически был превращен своим другом, дальним родственником и личным врачом в символ, прикрывающий истинную расстановку сил. Аналитики безапелляционно утверждают, что Айман аз-Завахири — значительно более важная личность, чем Усама бен Ладен, оказавшая огромное влияние на последнего и радикализировавшая главу «Аль-Каиды», фактически превратив его в экстремиста. Журналист Хамид Мир также утверждает, что аз-Завахири является «настоящим стратегом, значительно более опасным, чем бен Ладен, играющий роль вывески». Дия Рашван, египетский эксперт по военным действиям экстремистов, согласен с подобными

утверждениями, говоря, что аз-Завахири, бесспорно, более опытен, чем лидер «Аль-Каиды». «Его имя постоянно всплывало в связи со всеми эпизодами, в которые были вовлечены исламские террористы начиная с 70-х годов и до наших дней», — указывал эксперт.

Интересен тот факт, что глава Американского совета по изучению ислама, президент Пакистано-исламского фонда доктор Малик утверждает, что поимка аз-Завахири необходима для удачной предвыборной кампании президента; доктор не исключает того, что в начале 80-х годов и Айман, и его патрон были связаны с ЦРУ. Тогда афганские моджахеды, к которым принадлежал аз-Завахири, вели войну на территории Афганистана с советскими войсками, и в эти операции было очень серьезно вовлечено ФБР.

С момента начала своей террористической деятельности египетский врач, как оказалось, неоднократно посещал Швейцарию. В частности, в 1989 году он открыл счет на свое имя в Женеве, который был закрыт им же в 1993 году. Деньги (50 000 франков) Айман перевел в Великобританию, однако тамошние власти отказались отвечать на запрос относительно судьбы этого вклада.

В 1991 году террорист снова прибыл в Женеву, чтобы выступить с лекцией в гостинице. Там он появился вместе со «слепым шейхом» —

Омаром Абдель Рахманом, который позднее стал инициатором первого теракта против Всемирного торгового центра, проведенного в 1993 году. О приезде аз-Завахири, представленного «моджахедом», было объявлено во время молитвы в Исламском центре городка О-Вив.

Несмотря на все попытки пресечения его преступной деятельности, в 1990-х годах «террорист № 2» спокойно разъезжал по всему свету, налаживая связи в исламистских кругах. В 1993 году он снова «всплыл» в Швейцарии, где попытался организовать шумную пресс-конференцию и презентацию своего нового произведения — «Черной книги», в которой рассказывалось о репрессиях режима Хосни Мубарака в Египте. Тогда же он решил получить статус беженца — правда, безуспешно. (На аналогичную просьбу террориста Болгария в 1996 году также ответила отказом.) В 1994 году он снова появился в стране и прожил в Цюрихе почти год. Скорее всего, Айман выполнял поручение Усамы бен Ладена и создавал группы сторонников «Аль-Каиды». По этому же делу египтянин приезжал в Швейцарию также в 1997 году.

Обратите внимание: Египет на протяжении нескольких лет утверждал, что знаменитый террорист скрывается именно в этой стране, однако Федеральный департамент полиции неизменно

отвечал, что не располагает такой информацией. Оказалось, ФДП усиленно искал Аймана, проверяя регистрационные списки в отелях! Работники департамента с упорством кротов рылись в бумагах, разыскивая среди постояльцев аз-Завахири. О том, что террорист пользуется фальшивыми документами, они как будто даже не догадывались.

В конце весны 2002 года саудовская «Аль-Хайят» сообщила, что «террорист № 2» находится в каком-то «безопасном месте» и даже успел жениться на двух вдовах своих соратников, погибших во время бомбардировок американской авиацией базы талибов в Тора-Бора и Кандагаре.

А осенью того же года вышла в свет интересная статья под названием «Преимник бен Ладена погиб в Афгане. снова». В ней рассказывалось, что поступило очередное сообщение о смерти одного из лидеров «Аль-Каиды», якобы имевшей место 3 октября в Афганистане, в результате спецоперации, проведенной американскими военными. Независимые источники на Западе комментировать поступившую информацию попросту отказались. Видимо, устали. Ведь подобные сообщения в прессе появляются с завидной регулярностью, заставляя думать о недостаточной добросовестности падких на сенсации журналистов. Ведь иначе остается одно — считать неувливаемого

террориста прямым потомком Вечного Жида с тяжелой наследственностью!

В конце июня 2003 года СМИ (со ссылкой на дипломатические источники в Тегеране) сообщили о том, что в Иране полиция задержала человека, являющегося «правой рукой» бен Ладена. Однако 28 февраля того же года террорист, предположительно, сбежал из афганского города Хост (еще один неразрешенный вопрос: как он туда попал, ведь задержали аз-Завахири якобы в Иране?) через пакистанскую провинцию Белуджистан в Северную Африку. Наиболее вероятным убежищем Аймана называли Алжир. Побег якобы был совершен лидером «Аль-Каиды» после того, как в результате одной из бомбардировок, проведенных американскими войсками, погибли его жена и сын.

Но уже 19 марта 2004 года появилась информация другого плана. Оказывается, пакистанский спецназ проводил боевую операцию на западе провинции Вазиристан в горном районе на границе Пакистана и Афганистана. В ходе ее войска вышли к глинобитной крепости, состоящей из нескольких соединенных между собой зданий и превращенной защитниками в неприступный форт. Боевики, скрывавшиеся в крепости, организовали хорошо продуманную оборону и вели интенсивный огонь из гранатометов и крупнокалиберных пулеметов. Сопротивление взятого в плотное

кольцо гарнизона, состоявшего в основном из представителей местных племен, поддерживающих «Аль-Каиду», и чеченцев, было столь упорным, что его не смогли преодолеть ни артобстрел пакистанских войск, ни воздушный удар с применением штурмовых вертолетов. Учитывая это, а также принимая во внимание качество вооружения боевиков, представитель военного командования выдвинул предположение, что среди обороняющихся может находиться «крупная фигура». Однако дать подтверждение тому, что данное лицо может быть Айманом аз-Завахири, военный отказался. Тем не менее, СМИ распространили сообщение, что, согласно информации, полученной от 18 сторонников «Аль-Каиды», арестованных спецслужбами, в комплексе зданий действительно находился этот человек. Кроме того, захваченные в ходе операции боевики утверждали, что их предводитель ранен.

Пакистанские власти, тем не менее, не спешили официально подтвердить информацию о нахождении в заблокированном комплексе «человека № 2» в «Аль-Каиде» и одного из самых опасных террористов в мире. Американские СМИ также выразили сомнение, поскольку считают, что если бы речь действительно шла о чеченском лидере, президент Пакистана не стал бы давать интервью телекомпании CNN. «Радужные» прогнозы не

разделял и генерал Султан, руководивший операцией. Он не был уверен, что знаменитый террорист — укрывающееся в осажденной крепости лицо. «С точностью сказать, кем же являлся этот лидер, невозможно», — говорил он. Поэтому все сообщения об обнаружении и ранении аз-Завахири генерал считал спекулятивными.

Помощник президента Пакистана сообщил, что будут приняты все меры, чтобы «захватить этих людей живыми; если нет, то будут предприняты усилия, чтобы выбить их оттуда живыми или мертвыми». А пока пакистанцы изыкали в Вазиристане большое количество боеприпасов, оружия, взрывчатки, радиопередатчиков и переговорных устройств. Спецназ обнаружил секретные подземные ходы, идущие от домов местных жителей к пустырям. Правда, ни одного иностранного боевика «Талибана» или «Аль-Каиды» арестовать так и не удалось: несмотря на заявления о том, что район надежно блокирован, они смогли покинуть Вазиристан. Зато власти района Вана, где находится крепость, выражают серьезное недовольство действиями военных. Они считают, что спецоперация провалилась и все действия вояк свелись к разрушению домов населения и арестам мирных жителей. Местные власти заявили, что в случае, если операция

продолжится, пакистанским военным будет оказано сопротивление.

Откуда же взялась убежденность некоторых лиц в том, что в осажденной крепости находится «террорист № 2»? Дело в том, что 29 апреля этого года во время крупной операции спецподразделений Пакистана все в том же Южном Вазиристане был арестован сын аз-Завахири, Халид (кстати, тот самый, которого якобы убили во время бомбардировки Хоста!). Его допросы вели одновременно специалисты ЦРУ и сил безопасности Пакистана. В ходе «бесед» спецслужбы получили информацию, благодаря которой ЦРУ смогло захватить крупный секретный архив «Аль-Каиды». Предполагают, что пакистанский спецназ мог выйти на след аз-Завахири также благодаря материалам допросов. Источники в ЦРУ довольно оптимистично заявили, что показания задержанного имеют «критически важное значение», а поимка Усамы бен Ладена и его «правой руки» теперь практически неизбежна.

Тем не менее, президент США принял решение о повышении на одну степень уровня террористической угрозы на территории государства. Сейчас он считается высоким и обозначается оранжевым цветом по пятиуровневой шкале, принятой в Америке. С момента принятия новой шкалы в 2001 году такая степень угрозы

объявляется только в четвертый раз. Причиной этого решения стали данные, полученные американской разведкой. В них идет речь о возможном проведении новых крупных террористических актов на территории самого государства.

В данный момент специалисты ЦРУ заняты проведением в Пакистане анализа ДНК останков сгоревшего в бронемашине человека. Предполагают, что такая судьба могла постичь все того же аз-Завахири. Во время боя в Южном Вазиристане три бронированные машины пытались прорвать кольцо окружения. Две из них были подбиты, а одна смогла вырваться из заблокированного района. Переговоры боевиков, естественно, перехватывались, и спецподразделения получили информацию о том, что в одной из машин погиб высокопоставленный руководитель «Аль-Каиды». Американцы сразу же решили, что речь шла об аз-Завахири, однако официального сообщения не передали. Итак, очередная смерть «террориста № 2»? Действительно ли в Вазиристане оборвался кровавый жизненный путь египетского доктора? Или, может, это всего лишь очередная «утка», рожденная из стремления выдать желаемое за действительное? В таком случае миру вскоре вновь предстоит столкнуться с воплощенными планами

лидера «Аль-Каиды», возродившегося в добром здравии, подобно злобному демону, в очередном забытом Богом уголке нашей планеты.

АЗЕФ (АЗЕВ) ЕВНО ФИШЕВИЧ

(род. в 1869 г. — ум. в 1918 г.)

Уникальная фигура в российском революционном движении. Провокатор и террорист в одном лице, руководитель Боевой организации партии эсеров.

Русская эмиграционная революционная среда конца XIX — начала XX в. была довольно разнообразной. Кого только в ней не было, начиная со сторонников мирных средств борьбы с царизмом и заканчивая сторонниками террористических методов! И среди этой разношерстной толпы выделялся человек довольно неприятной внешности: грузный, толстый, с тяжелым набухшим лицом, с оттопыренной нижней губой. И говорить он толком не может — еле-еле что-то бормочет. Но это только на первый взгляд, а есть еще второй, третий... По мнению некоторых, «глаза у него всегда бегали, и он никогда не смотрел в лицо собеседнику»; другие считали, что «...в его чистых глазах нельзя не увидеть бесконечную доброту»; третьи отмечали, что у него «двойное лицо» с «печальными глазами». Да, взгляда три, а человек один. Однако это тоже только кажется. В нем одном сидит два человека-близнеца, но один из них — легендарный террорист, глава Боевой организации (БО) партии эсеров, другой — агент полиции, да еще и самый высокооплачиваемый. И никакого раздвоения личности! Любой террорист — объект изучения психиатра, но Азеф — случай из ряда вон выходящий. Это — явление, созданное атмосферой безграничного доверия, преклонения и провокации. 17 лет Азеф вел свою двойную игру и

не попадался. Его разоблачение, в общем, дело случая.

Как революционер-террорист Азеф участвовал в подготовке террористических актов против харьковского губернатора И. М. Оболенского, уфимского Н. М. Богдановича, организовал убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, которого считал виновником еврейских погромов в Кишеневе, великого князя Сергея Александровича, киевского генерал-губернатора Клейгельса. Это громкие дела. А были и тихие, агентурные. В его послужном списке в Департаменте полиции в период с 1901 по 1908 год можно обнаружить выданные им организации: съезд эсеров в Харькове, типографию Северного союза в Томске, членов Северного Союза и Северного Летучего отряда, участников покушения на Богдановича, боевого комитета по подготовке в 1905 году восстания в Петербурге и многих крупных эсеровских групп, предотвращение убийств московского обер-полицмейстера Трепова и министра внутренних дел Дурново, три предотвращения покушений на царя, выдачу БО и боевого отряда эсеров (казнены семь человек). Да и жизнь самого могущественного человека Российской империи П. А. Столыпина во многом зависит от него, Азефа. Какая азартная игра! Какие ставки! На кону жизнь или смерть. От желания

только Азефа зависит: казнить или миловать. Да это же божественная Власть! Да, все это, конечно, могло быть романтично, если бы не одно банальное обстоятельство — деньги. К ним у Азефа была не меньшая страсть, чем к игре в жизнь и смерть. Делец от террора — пожалуй, это будет самое точное определение сущности этого человека, этого феномена как в революционном движении, так и в делах тайной полиции. Убивать власти предержавших и одновременно защищать их, оберегать и быть при этом почитаемым и в революционной среде, и в полицейской — кому еще такое удавалось?

Родился Евно Азеф в 1869 году в местечке Лысково Гродненской губернии. Он был вторым ребенком в семье бедного еврея-портного. Затем семья переехала в Ростов-на-Дону. Здесь родители держали убогую лавку, испытывали крайнюю нужду, но страстно мечтали, чтобы их маленький Евно «выбился в люди». Отказывая себе во всем, они постарались, чтобы он поступил в гимназию, где учились дети самых состоятельных и уважаемых евреев города. В 1890 году Евно окончил гимназию и некоторое время перебивался мелкими заработками корректора, репортера, занимался и мелкой комиссионной торговлей. Тогда же произошло его приобщение к революционной работе. Весной 1892 года

жандармы начали дознание о распространении в городе прокламаций, призывающих бороться с существующим режимом. И в тот же миг Евно Азеф исчез из Ростова, прихватив с собой чужие деньги. По этому поводу существуют две различных в психологическом плане версии. Согласно одной из них (автор — начальник Донского жандармского управления Страхов), товарищи Азефа выманили у него чужие деньги, поставив его перед необходимостью бежать за границу, но по другим сведениям, он просто присвоил деньги одного из мариупольских купцов. Вскоре молодой человек объявился в Германии, в г. Карлсруэ, где начал учиться в Политехническом институте. Специальность инженера-электротехника тогда была весьма перспективной.

Но для жизни в Германии нужны были деньги. В марте 1893 года Департамент полиции в Петербурге и жандармское управление в Ростове-на-Дону стали получать короткие письма от неизвестного корреспондента с предложением освещать деятельность русского студенческого кружка в Карлсруэ. В Ростове по почерку быстро выяснили, кто автор писем, и доложили в Петербург, и вскоре Азеф был зачислен секретным сотрудником Охранного отдела Департамента полиции с окладом в 50 рублей в месяц. Вряд ли

кто мог тогда предположить, что очень скоро его жалование достигнет 14 тыс. рублей в год, что несколько больше, чем у некоторых царских министров. С тех пор Азеф жил и работал в России и за рубежом, и в полицейских отчетах проходил под фамилиями Е. Ф. Виноградов, С. М. Валуйский, Гирс, И. Даниельсон, Деканский, А. Неймайер, Петров, Раскин, Росс, Филипповский. Были у него и псевдонимы: «Валентин Кузьмич», «Великан», «Евгений Филиппович», «Иван», «Иван Николаевич», «Новый приятель», «Сергей Милитонович», «Толстый».

В течение шести лет Азеф являлся заграничным корреспондентом Департамента полиции и в качестве осведомителя быстро совершенствовался. Один из руководителей Департамента и куратор Азефа Ратаев отмечал: «Сообщения Азефа поражают своей точностью, при полном отсутствии рассуждений». А в письме к своему агенту он писал: «Больше всего на свете я боюсь Вас скомпрометировать и лишиться Ваших услуг». В 1899 году Азеф по заданию полиции примкнул к заграничной организации эсеров, а затем вернулся в Россию и вошел в состав Северного союза эсеров. К этому времени он был уже дипломированным инженером, служащим электрической компании и, на первый взгляд, жизнь вел довольно серую. Никто ведь еще не

догадывался, что у него есть еще две, тайные жизни. Он жил тогда в Москве и находился в распоряжении начальника московского Охранного отделения С.В. Зубатова. Два события произошли в этот момент: выдача полиции Азефом Союза социалистов-революционеров, которым руководил А. А. Аргунов, и продвижение Азефа в руководство эсеров. По мнению Зубатова, секретный агент должен был проникнуть в центр революционной организации, выявить руководство, что дало бы возможность покончить с ними одним ударом.

В декабре 1901 года Азеф вновь оказался за границей. В Берлине он вместе с Г. А. Гершуни, признанным эсеровским лидером, участвовал в объединении разрозненных кружков в партию эсеров. Здесь же произошло их сближение. Вместе они разрабатывали теоретическое обоснование террористической деятельности. Эсеры, в отличие от большинства революционеров, особенно марксистского толка, считали, что привести Россию к революции может только террор. Для его осуществления в недрах партии была создана глубоко законспирированная Боевая организация, которую возглавил Гершуни, а после его ареста в мае 1903 года — Азеф. Санкцию на это, в нарушение всех существующих тогда правил для секретных агентов, с подачи начальника Департамента полиции А. А. Лопухина и С.В.

Зубатова, возглавлявшего отдел политического сыска, дал не кто иной, как министр внутренних дел В. К. Плеве. Но теперь перед Азефом открылись новые горизонты. Теперь только от него зависит, казнить или миловать самых высоких царских чиновников. От него же зависит и жизнь революционеров — участников террористических акций. У него в руках огромная власть, и ему, человеку, в общем, беспринципному, теперь глубоко наплевать и на революцию, и на полицию.

Однако игра, которую он вел и которая затягивала его все сильнее, была очень опасна и рискованна для него самого, для его собственной жизни. Узнай об этой игре какая-либо из сторон?! Но ему безгранично доверяют и те и другие, да он и требует полного доверия. «Мне кажется, — пишет Азеф Ратаеву, — что у Вас нет ни одного факта, который бы мог Вас заставить думать, что я способен Вам солгать. Кажется, ни разу не лгал, это не лежит в моей натуре. Ваше недоверие для меня оскорбительно и страшно обидно». Написано достаточно цинично и с чувством полного самообладания. Точно так же можно расценивать и встречу Азефа в 1912 году с разоблачившим его Бурцевым. Бурцев вспоминал: «“Ну, вы сравните сами, — убеждающим голосом говорил он [Азеф]. — Что я сделал? Организовал убийство Плеве, убийство великого князя Сергея... — и с

каждым новым именем его правая рука опускалась все ниже и ниже, как чаша весов, на которую кладут гири. — А что я дал им? Выдал Слетова, Ломова, ну еще Веденяпина.” — и, называя эти имена, он не опускал, а наоборот, вздергивал кверху свою левую руку, наглядно иллюстрируя все ничтожество полученного полицией по сравнению с тем, что имела от его деятельности революция». Мало того, он обвинил Бурцева, что своими разоблачениями тот помешал ему убить царя: «Если бы не вы, я его убил бы.....» Да, пожалуй, именно эти качества — самообладание, наглость, цинизм — помогли Азефу столько лет ни разу не попасться. Правда, не следует сбрасывать со счетов и его смелость, феноменальную память и, главное, метод действий. Этот метод заключался в следующем. Азеф организовывал сразу несколько террористических акций. Некоторые из них — удачные — он проводил в глубокой тайне от полиции. Это страховало его от любых подозрений со стороны товарищей по партии и создавало вокруг него ореол таинственности и поклонения. Другую часть задуманных террористических акций Азеф своевременно выдавал полиции, и каждая из противостоящих сторон была убеждена, что он всецело предан именно ей.

К моменту разоблачения, к 1908 году, в «революционном активе» Азефа числилось свыше

30 терактов, и он считался одним из самых проверенных членов партии (в январе 1906 года на I съезде Азефа избрали в состав ЦК партии эсеров). Но в это же время, после 1905 года, он провалил ряд групп БО (казнено семь человек), готовящих убийства министра внутренних дел П.Н. Дурново, министра юстиции М. Г. Акимова, военного министра А. Ф. Редигера, генералов Г. А. Мина и Н. К. Римана, председателя Совета министров С. Ю. Витте, великого князя Николая Николаевича, императора Николая II. С его помощью в 1905 году были арестованы все члены эсеровской группы по изысканию оружия и формированию особых вооруженных групп для уличных боев, провален ввоз в Россию на пароходе «Джон Графтон» огромной партии оружия, предназначавшегося для будущей организации Гапона. Кстати, как только Гапон заподозрил в этом Азефа, его немедленно уничтожили. В это же время он «сдал» в полном составе боевой комитет, готовящий восстание в Петербурге. В общем, почти все, кто принимал участие в подготовленных им терактах, попадались, кроме тех, естественно, кто своим присутствием должен был подтвердить легендарность самого руководителя БО. Те же, кто пытался проводить теракты самостоятельно, изначально были обречены.

Помимо денег, получаемых за секретную службу, Азеф, как глава БО, сосредоточил в своих руках огромные суммы, предназначенные для проведения террористических актов. В то время как некоторые товарищи партии с умилением говорили, что Азеф «живет на хлебе и селедке», он спокойно «заимствовал» огромные суммы из партийной кассы. Считается, что он на этом сколотил капитал в 250 тыс. немецких марок, но если прислушаться к мнению А. А. Аргунова, то окажется, что названная цифра весьма скромна. «Денег было много, — вспоминал Аргунов. — Кроме специальных “боевых сумм”, оставшихся в особом фонде Боевой организации. и находившихся в распоряжении и на отчете Азефа (отчета он никому не давал, в том числе и ЦК), были изысканы новые источники пожертвований на боевое дело. Насколько богата была касса ЦК, можно судить по тому, что в 1906 году расход доходил до 1000 рублей в день, не считая трат на боевые дела. Отношение к боевому делу всегда было такое: сколько просит Боевая организация, столько и давать надо». Вот так — сколько просит!

Постоянный риск требовал постоянного расслабления. Часть денег Азеф откладывал в зарубежных банках, а часть тратил на шансонеток, певичек и актрис варьете. Его часто можно было видеть в петербургском «Аквариуме», в

московском «Яре». Пил он, однако, очень мало. Его интересовали только женщины. На них Азеф денег не жалел, благо деньги все равно были «грязные» — за убийства и предательства. Мало кто знал, что у него были жена и сын, которые, узнав о его истинной роли, сменили фамилию и эмигрировали в Америку. За год до разоблачения Азеф в «Аквариуме» познакомился с певицей, немкой Хедди де Херо. С ним она осталась до конца его дней.

В 1906 году у Азефа появился новый начальник, полковник А. В. Герасимов, который возглавлял петербургское охранное отделение. Еще до этого, после выхода царского Манифеста 17 октября 1905 года, Азеф начал выступать за прекращение террора и роспуск БО. Этого не произошло, и тогда он попросту «сдал» БО Герасимову. Вплоть до 1908 года никаких громких акций эсерам провести не удалось. Мало того, Азефом очень стал интересоваться новый премьер России П. А. Столыпин, и не только его деятельностью как секретного агента, но и его взглядами и суждениями по тем или иным вопросам внутренней политики России, настроениям в революционной и оппозиционной среде. По сути, по этим вопросам Азеф стал для Столыпина главным консультантом. Его информация была исключительно богата

фактическими указаниями, ценна и точна. И недаром в первом правительственном сообщении после разоблачения Азефа он будет назван «сотрудником правительства».

Насколько Азеф оказался изобретателен как «сотрудник правительства», настолько, а может, и более, он оказался изобретателен как террорист. То, что он придумал, «благополучно» используется и сегодня. Кто сейчас не слышал о «поясах шахидов»? А тогда?.. В начале 1905 года Азефу стало казаться, что он стоит на грани провала, что его двойная игра станет известна партии. Тогда у него появился план послать в помещение Охранного отделения боевиков и ценой их гибели взорвать полицейский архив. В тот же период, как впоследствии вспоминал Ратаев, Азеф занимался обучением иностранных революционеров, в частности, организаций армян-дрошакистов и македонцев, связанных с русскими террористами и занимавшихся транспортировкой оружия и взрывчатки с Балкан на Кавказ. По заданию полиции Азеф побывал в Константинополе, и вскоре после его отъезда, 12 июля 1906 года, с помощью начиненного взрывчаткой автомобиля было совершено покушение на турецкого султана Абдул-Гамида. Это был тот способ, который Азеф еще в 1904 году хотел применить против Плеве. Интересно, что уже в 1907 году он поставил на

обсуждение партии вопрос о применении последних достижений науки и техники в целях политического террора. Особые надежды возлагались на подкопы с использованием зарядов, воспламеняемых на расстоянии, а также на использование только что появившихся самолетов для доставки к цели взрывчатки. А целью, как считал ближайший соратник Азефа Б. В. Савинков, был царский дворец. Видимо, уже тяготясь своей двойной карьерой, Азеф решил выйти из игры, громко хлопнув дверью, осуществив все же мечту русских террористов начала XX века, акт центрального террора — покушение на царя. Это предполагалось сделать в 1903 году во время торжественного царского смотра по случаю приемки нового корабля, только что построенного в Англии крейсера «Рюрик». Азеф накануне побывал в Англии, сумел даже проникнуть на крейсер и подобрать исполнителей акции — двух матросов, сочувствующих эсерам, — Авдеева и Каптеловича. Они получили от БО револьверы и написали прощальные письма, которые Азеф забрал с собой. 7 октября 1908 года царский смотр состоялся, но выстрелов не последовало. Однако разобраться, почему так случилось, у Азефа уже не было времени: со своими разоблачениями в его адрес выступил Владимир Бурцев.

Подозрения против Азефа высказывались в разное время и разными людьми. Об этом эсеры информировали даже некоторые сотрудники полиции. Но руководство партии — от Гершуни до Савинкова — отнеслось к этому с недоверием. Даже за три месяца до разоблачения Б. Савинков заявил: «Если бы против моего брата было столько улик, сколько их есть против Азефа, я застрелил бы его немедленно. Но в провокацию Ивана я не поверю никогда!» Да и кто бы мог поверить?! В это не поверили даже тогда, когда осенью 1907 года появилось так называемое «саратовское письмо», разоблачавшее провокаторскую роль Азефа. Оно было оглашено на заседании ЦК партии эсеров. Но несмотря на произведенное впечатление, письмо осталось без последствий, а эсер, которому все же поручили рассматривать это дело, вскоре был арестован.

Бурцеву же, издававшему в те годы в Петербурге «Былое», еще в мае 1906 года от одного сотрудника Департамента полиции, сочувствовавшего эсерам, стало известно о провокаторе в руководстве партии, действовавшем под кличкой «Раскин». Сопоставляя различные детали, он пришел к выводу, что Раскин — это Азеф. Но нужны были веские доказательства. И Бурцев их получил, и с самой неожиданной стороны — от бывшего начальника Департамента

полицейский, который в тот момент являлся эстляндским губернатором. Их разговор состоялся в августе 1908 года в купе поезда, следовавшего из Кельна в Берлин, и продолжался шесть часов. Правда, Лопухин молчал, говорил Бурцев. Когда же до Лопухина дошло, чем занимался секретный агент полиции, будучи главой БО эсеров, и особенно то, что он готовил цареубийство, — Лопухин подтвердил Бурцеву, что Раскин и Азеф — одно и то же лицо. По прибытии в Россию он написал письмо своему бывшему однокашнику П. Столыпину с предложением самому премьеру покарать провокатора. Ответом на это письмо было появление на квартире у Лопухина самого Азефа, примчавшегося из Берлина, чтобы заставить того отказаться от своих слов. Это стало ошибкой Азефа, которая усугубилась неудачно подготовленным для него алиби. Лопухин сообщил о неожиданном визитере А. Аргунову, а Азеф же говорил, что в это время он был в Берлине. Но агент Герасимова, который должен был подготовить ему алиби, остановился не в той гостинице, что нужно; и проверка, устроенная эсерами, не подтвердила пребывания Азефа в Берлине.

Для Лопухина встреча с Бурцевым стала роковой. После доклада П. Столыпина царю он был осужден и сослан в Сибирь. Премьер горой встал за Азефа, заявив на слушаньях по этому делу в

Государственной Думе: «Обстоятельств, уличающих его в соучастии в каких-либо преступлениях, я, пока мне не дадут других данных, не нахожу». Не верили в предательство Азефа и в революционной среде. Известный террорист-революционер Карпович грозился перестрелять своих товарищей по партии, осмелившихся заподозрить главу БО в службе в полиции. А эсеры для выяснения всех обстоятельств устроили третейский суд над Бурцевым. Судьями были назначены старые опытные революционеры Г. А. Лопатин, П. А. Кропоткин и В. Н. Фигнер. В. Бурцеву, «как клеветнику», на суде никто из эсеров не подавал руки, а после 17-го заседания суда (всего их было 18) В. Фигнер сказала ему: «Вы ужасный человек, вы оклеветали героя, вам остается только застрелиться!» Бурцев на это ответил: «Я и застрелюсь, если окажется, что Азеф не провокатор».

23 декабря 1908 года на квартиру к Азефу явились В.М. Чернов и Б.В. Савинков и предложили ему «честно обо всем рассказать». Азеф свою связь с полицией отрицал, но в ту же ночь бежал в Париж, хотя не так давно с возмущением написал в ЦК партии: «Оскорбление такое, как оно нанесено мне вами, знайте, не прощается и не забывается. Будет время, когда вы

дадите за меня отчет партии и моим близким. В этом я уверен.

В настоящее время я счастлив, что чувствую силы с вами, господа, не считаться. Моя работа в прошлом дает мне силы и подымает меня над смрадом и грязью, которой вы окружены теперь и забросали меня». Через два дня после бегства Азефа ЦК партии эсеров объявил его провокатором. Но почему же его не убили товарищи по партии? Ведь в революционной среде не принято было особенно церемониться! Ответ прост: все растерялись. Одни были потрясены, другие отошли от партии, некоторые покончили с собой. А Столыпин, выступая в Государственной Думе, заявил, что если один из главарей революции был, собственно, сотрудником Департамента полиции, то это, конечно, весьма печально, но никак не для правительства, а для революционной партии.

Между тем Азеф в 1909 году со своей пассией из «Аквариума» отправился путешествовать. Они посетили Италию, Грецию, Египет, а затем вернулись в Германию и поселились в Берлине. Теперь он стал господином Александром Неймайером и особенно не опасался своих вчерашних однопартийцев. Азеф не скрывался, не прибегал к гриму, он неплохо устраивался в своей новой жизни: в 1910 году снял квартиру, затратил на ее обустройство и подарки подруге свыше

100 тыс. марок, обзавелся немецкими приятелями и занялся коммерческими делами — стал играть на бирже. Жил, в общем, в свое удовольствие, посещал увеселительные места, театры, часто выезжал на дорогие курорты. Но летом 1912 года случилась неприятность: на курорте в Нейенаре его узнали и тут же сообщили Бурцеву. Тот, угрожая Азефу «отдать» его эсерам, настоял на личной встрече, которая состоялась 15 августа во франкфуртской кофейне. Разговор продолжался несколько часов, и Азеф почти убедил Бурцева, что просто жаждет суда над собой своих прежних товарищей и что в случае вынесения ему смертного приговора сам покончит с собой. Накануне этой встречи Азеф составил завещание, сдал квартиру в Берлине и заставил свою подругу переехать к матери в провинцию, а после встречи, на протяжении 1912–1913 годов, стал замечать следы: много ездил, менял гостиницы и паспорта.

Первая мировая война разорила Азефа. Все его состояние было вложено в русские бумаги, но с началом войны они утратили ценность в Германии. А в июне 1915 года германская полиция неожиданно арестовала его как опасного анархиста и террориста. Сколько он затем ни пытался доказать властям, что он не анархист, это ничего не дало — до декабря 1917 года Азеф находился в Моабитской тюрьме. Ему, правда, предлагали

перейти из тюрьмы в лагерь для гражданских лиц русской национальности, но Азеф это предложение отклонил.

После прихода в России к власти большевиков провокатора неожиданно выпустили на свободу. Мало того, его приняли на службу, да не куда-нибудь, а в германское министерство иностранных дел. Вряд ли Азеф годился для дипломатической работы, но он стал поговаривать о скором переезде в Швейцарию, которая и тогда являлась главным центром мирового шпионажа. Но этому случиться было не суждено. Резко обострилась болезнь почек, и 24 апреля 1918 года Азеф покинул этот бранный мир, унеся с собой в могилу не одну тайну. Хоронила его Хедди на Вильмерсдорфском кладбище в Берлине по второму разряду. Во избежание неприятностей надпись на могиле не была проставлена, только номер — 446.

АМИР ИГАЛЬ

(род. в 1969 г.)

Террорист, член подпольной ультраправой националистической организации «Эял». Был обвинен в убийстве израильского премьер-министра Ицхака Рабина в ноябре 1995 года и осужден к пожизненному заключению без права амнистии.

С именем этого экстремиста связан один из самых громких терактов в истории Израиля. Убийство известного политического лидера породило множество вопросов, на которые не найдены ответы. Спустя семь лет после рокового события премия в размере миллиона шекелей была

предложена тому, кто найдет истинных виновников смерти Рабина и оправдает Игаля Амира.

Родился будущий террорист в 1970 году (по другим данным — в 1969 году) в семье переселенцев из Йемена. Учился в духовном учебном заведении «ешиват-хесдер», выпускники которого кроме хороших знаний получали неплохую физическую подготовку и отличались высокими боевыми качествами. Не зря же Амира взяли служить в «Голани» — элитную дивизию ЦАХАЛа (Ивритская аббревиатура: «Армия Оборона Израиля»). В годы учебы на юридическом факультете Бар-Иланского университета он попал в поле зрения ультраправой организации, и его близкий друг, Авишай Равив, завербовал будущего юриста в ряды террористов. Хотя однокурсники помнили Игаля застенчивым, сосредоточенным, серьезным и прилежным студентом, а его фотография даже попала в рекламный проспект университета.

Авишай руководил подпольной ультраправой националистической организацией «Эял» («Еврейская Боевая Организация»), заявленная цель которой состояла в срыве ближневосточного урегулирования путем политических убийств. В действительности боевая организация представляла из себя лишь вывеску, за которой стоял ШАБАК («Общая Служба Безопасности») — израильский

аналог ФБР. Как потом выяснилось, друг-вербовщик являлся с 1987 года внештатным сотрудником этой спецслужбы, агентом-provokatorом по кличке Шампанья («Шампанское»). Ректор Тель-Авивского университета Итамар Рабинович попытался исключить его из рядов студентов за экстремистскую деятельность, но тогдашний премьер-министр Ицхак Шамир направил к нему своего помощника, Йоси Ахемеира, и террорист-provokator остался в стенах этого учебного заведения.

Замысел ШАБАКа состоял в том, чтобы завлекать в «Эял» радикальных противников «мирного процесса», провоцировать их на незаконные действия, а затем арестовывать. Теракты радикалов правительство предполагало использовать в достижении своих политических целей. Равив с вербовкой справлялся хорошо и не зря получал за свою работу девять тысяч шекелей в месяц. Как правый политик он безнаказанно действовал в Хевроне, Кирьят-Арбе, Элькане и других израильских поселениях, а также в университете Бар-Илан. Около двадцати уголовных дел против Авишя было закрыто госпрокуратурой. Под влиянием такого друга Амир стал придерживаться правоэкстремистских взглядов, считал, что политика мирного урегулирования

палестинской проблемы противоречит интересам Израиля. Игаль говорил о друге: «Я познакомился с Авишаем Равивом в университете. Он очень помог мне, дал сотовый телефон, кучу вещей. У меня есть близкие душевные друзья, с которыми я могу поговорить, и Авишай был таким другом. Он хороший парень, и мне нравится его характер».

Весну и лето 1992 года студент-юрист провел в Риге по заданию секретной службы Натив — Бюро по связям с евреями в Советском Союзе при Канцелярии премьер-министра Израиля. Спецслужба была основана в начале 1950-х годов и выработала свою независимую разведывательную и оперативную политику. Деятельность Натива неоднократно вызывала недовольство и подозрения со стороны российских властей. Так, например, в июне 1996 года работник Натива Даниэль был уличен в занятии, несовместимом с его дипломатическим статусом (незаконном приобретении секретных спутниковых фотоснимков), арестован и выслан из страны.

Потом, после убийства премьера, израильские власти заявили, что Амир преподавал в Риге иврит в течение пяти месяцев. Этой версии не поверили, поскольку у него не было педагогического образования. Тогда министр полиции Моше Шахаль объяснил, что Игаль проходил курс учебы телохранителей. Так или иначе, правительству

совсем не нравились спекуляции по поводу связей террориста с секретным Нативом. Пресс-секретарь Канцелярии премьер-министра Ализа Горен заявила на пресс-конференции: «Амир никогда не был в Риге, и всякий, кто говорит, что он был там, проявляет полную безответственность». Но эта хитрость была разоблачена после того, как телекомпания Би-би-си взяла интервью у семьи Игалья Амира и сняла на пленку его паспорт, в котором стоял штамп «СССР».

Сам Игаль рассказывал на суде о рижской поездке так: «Деятельность Бюро по связям (Натива) уже не была такой секретной. Там нужны были люди для организации сионистской деятельности, преподавания иврита и других вещей. Они обратились к моему армейскому подразделению, чтобы им прислали людей. Каждые два месяца люди менялись. Я поехал с моим товарищем, Авиноамом Эзером. Когда мы приехали туда, они работали с пятнадцатилетними подростками, хотели убедить их уехать в Израиль. Я думал, что они не правы, и что лучше работать со студентами. Я надел на голову кипу, пошел по улицам и нашел их. Я начал по-настоящему привлекать всеобщее внимание — йеменит с кипой. В итоге у меня подобралась группа человек в сто. Это был огромный успех». Не исключено, что Амир имел какое-то небольшое секретное задание. Он

был обучен технике организации и работы с группой и вернулся из Риги другим человеком, а может быть, и с миссией, которая ему тогда была непонятна до конца. Но какова бы ни была истинная цель пребывания будущего юриста в Советском Союзе, осенью 1992 года он вернулся оттуда другим — студенческим радикалом из Бар-Иланского университета. Что-то произошло там и изменило его отношение к жизни, хотя молодой человек еще не был убийцей. Спецслужбам только предстояла работа по превращению его в настоящего террориста.

В том же 1992 году Ицхак Рабин стал премьер-министром. В предвыборной кампании он обещал избирателям ни за что не отдавать Голанские высоты и не вести переговоры с Ясиром Арафатом. Но после избрания развернулся на все 180 градусов, ринулся строить палестинскую автономию и уничтожать еврейские поселения на западном берегу реки Иордан. Политика стареющего лидера Рабочей партии, архитектора мирного процесса подвергалась жесточайшей критике. Популярный израильский певец Авив Гефен пел по радио: «Кто там идет пьяный? Да это ж глава правительства!» К 1995 году политическое положение Рабина было далеко не лучшим. Амира к тому времени уже «обработали» и склонили к мысли, что нужно убить премьер-министра. В

процессе подготовки студента юрфака к теракту Равив убеждал его в необходимости избияения арабов, но Игаль отказывался от таких мероприятий. Лишь однажды он принял участие в антиарабской акции «Ночной патруль» в Хевроне. «Патрулировавшие» вначале побили стекла в арабских домах, а затем разбили фотокамеру одного из палестинских журналистов.

Барри Хамиш в своей книге «Кто убил Ицхака Рабина?» предоставляет читателям свидетельские показания о подталкивании будущего террориста на политическое убийство. «Согласно Саре Элиаш, директору женской средней школы “Лахава”, некоторые из ее учениц слышали, как Равив подбивал Амира убить Рабина. Равив сказал Игалю и другим, что Рабину вынесен приговор, он должен умереть, и тот, кто убьет его, будет праведником. Равив имел большое влияние на Игаля. Он все время подчеркивал перед ним и перед другими студентами, что тот, кто приведет в исполнение приговор против Рабина, выполнит святую миссию».

А вот что говорила Геула Амир, мать Игаля: «Согласно показаниям друзей Игаля, Равив был просто помешан на одном вопросе: убийстве Рабина. Он и Игаль часто обсуждали возможность теракта...»

Игаль Амир уже не скрывал своего намерения убить премьер-министра. Он говорил об этом сотням людей на организованных им субботних семинарах, а также в Бар-Илане. В Израиле будущий террорист стал известен еще за два месяца до убийства. В газете «Маарив» приводились сведения о том, что он арестовывался полицией 27 июня 1995 года по подозрению в планировании убийства Рабина и что 1 июля был выпущен на свободу по приказу ШАБАКА. Доказательством служили три письма из переписки между этой спецслужбой и полицией.

По одной из версий, была задумана операция, в ходе которой в Ицхака Рабина должны были выстрелить холостыми патронами. Для этого Авишай Равив должен был найти какого-нибудь «правого» фанатика, готового убить премьера. Равивом руководил Хези Кало, начальник Отдела ШАБАК по борьбе с еврейской подрывной деятельностью. Тому, в свою очередь, приказывал Карми Гилон, глава ШАБАКА, выполнявший указания самого Ицхака Рабина.

Вероятно, план премьера предусматривал арест террориста на месте преступления. Рабин, который перед выборами по всем опросам проигрывал тогдашнему лидеру оппозиции Биньямину Нетаниягу, заявил бы всему Израилю: смотрите, что эти «правые» хотели со мной

сделать! Теракт послужил бы оправданием для общенациональных репрессий в отношении его противников. Это был план подготовки условий, необходимых для проведения эвакуации поселений на палестинских территориях и последующей победы на выборах. Похоже, Рабин сам оказался виноват. Он задумал трюк и попал в собственную ловушку на площади Царей Израиля в Тель-Авиве. Там, на митинге в поддержку «мирного процесса» 4 ноября 1995 года премьер-министр и был физически устранен.

Большинство сотрудников спецслужб и полицейских, находившихся при исполнении служебных обязанностей в тот вечер, знали кое-что о секретной операции, но получили инструкции не мешать ей. Скорее всего, ШАБАК зарядил пистолет Игалья холостыми патронами и пропустил его в «стерильную зону» вокруг трибуны. (Спецслужба потом объясняла, что террорист попал туда, предъявив удостоверение Натива.) Игаль выстрелил жертве в спину, когда тот закончил свою речь с балкона здания тель-авивской мэрии и шел к машине. «Я сделал свое дело, — сказал Амир одному из задержавших его охранников, — теперь ты делай свое».

В книге «Кто убил Ицхака Рабина?» автор говорит, что после его выстрелов премьер не упал, а только повернул голову на шум и продолжал идти к

своему автомобилю. Здесь на него, как бы спасая от покушения, навалились сотрудники ШАБАКа и втащили в автомобиль. По одной из версий, главу правительства застрелили уже в автомобиле с нулевого расстояния и спереди, а не сзади. Доказательство тому — простреленная пулей фотография листка с «Песней о мире», который находился в нагрудном кармане его пиджака.

Сама сцена убийства оказалась заснята на видеопленку «туристом» Рони Кемплером (который «случайно» оказался сотрудником аппарата государственного контроля и получил миллион шекелей за видеоматериал). Любитель снимал выход премьера с балкона здания муниципалитета. Пистолет в протянутой руке убийцы практически упирался в спину премьера (которого, кстати, окружали телохранители — лишь прикрывавший спину сдвинулся влево и поотстал). Сразу за выстрелами (или даже во время стрельбы) кто-то громко крикнул: «Холостые, холостые». Это слышали все, кто находился рядом. Один из телохранителей сбил Рабина на землю и был ранен третьей пулей.

Любительская пленка, которую продемонстрировало израильское ТВ, также породила дополнительные вопросы. Во-первых, на ней виден один выстрел. Во-вторых, ее изучали-переизучали и пришли к выводу, что она

отредактирована (чтоб не сказать — подделана). В-третьих, на ней видно, как Рабин реагирует на первый выстрел (как человек должен реагировать на разрывную пулю в спине?). Рабин начинает поворачивать голову, продолжая движение, и падает лишь через несколько шагов — будучи сбит с ног телохранителем, прикрывавшим его. Сколько раз стрелял Амир? Четыре. Две пули в Рабина, одна — в телохранителя, еще одна — мимо (ее потом нашли). Террорист сказал, что пистолет был заряжен девятью патронами. В пистолете было обнаружено восемь. Свидетели слышали три выстрела, какой-то полицейский — еще два приглушенных.

Официальное свидетельство гласило, что в теле Рабина обнаружили две пули. Одну получил телохранитель. Экспертам удалось установить, будто пули, находившиеся в пистолете Амира, были медными, а результаты патологоанатомической экспертизы показали, что Рабина сразили свинцовые пули.

Главный врач больницы, проводивший вскрытие, утверждал, что покойный получил сильное ранение в область позвоночника. В то же время профессор Иегуда Хисс из института судебной медицины в Абу-Кабире заявил, что никакого ранения в позвоночник не было. На фотографиях, сделанных во время убийства, видно,

что Рабин обернулся, чтобы посмотреть, кто в него стреляет. Если бы стреляли боевыми патронами, его должно было бы отбросить вперед. Но — не отбросило. Допустим, у Рабина действительно был поражен позвоночник. Это означает, что убийца — не Игаль Амир. Его выстрелы такого ранения вызвать не могли. Возможно, он стрелял холостыми патронами, а вовсе не теми, которые попали в позвоночник. Сразу же после убийства Игаль Амир говорил, что оно было инсценировано.

В той же книге Барри Хамиша цитируются строки из газеты «Маарив», 10 ноября 1995 года: «В прошлую субботу вечером, через несколько минут после покушения на премьер-министра Рабина и еще задолго до того, как убийца был опознан, глава «Эяла» Авишай Равив уже объявил, что убийца — это Игаль Амир».

Уже на следующий день после теракта пошли разговоры о том, что с убийством нечисто. Ведь еврея и сиониста Рабина убил не арабский террорист, а такой же еврей и сионист. Сразу встал извечный вопрос: кому это выгодно? «Правым!» — кричали «левые» (такой ответ, при всей своей глуповатости, имел под собой железную линейную логику — Амир ведь был «правым» и он был против «мирного процесса»). «Нет, “левым”», — отвечали «правые», многозначительно кивая на рабинского преемника, Шимона Переса.

Возможно, сотрудники спецслужбы лишь подтолкнули Игаля Амира к убийству, уговорили его, а сами снабдили пистолет холостыми патронами для того, чтобы он сам свято верил в то, что стрелял. Таким образом, они бросили тень на весь «правый» лагерь. А террорист или его брат Хагай подвел их и вставил в магазин боевые патроны.

На руках у Игаля Амира не было обнаружено результатов выстрелов. Зато на образцах, взятых с его волос, следы выстрелов (очевидно, пороховые частицы) все-таки обнаружили! А они могли появиться только в одном случае — если кто-то стрелял из-за головы Игаля Амира.

Доктор Давид Хен (больница Асаф Ха-Рофе), расследовавший баллистические аспекты убийства Ицхака Рабина, пришел к выводу, что премьер-министр не был убит пулями, выпущенными из пистолета Игаля Амира.

Яков Веркер, председатель общественной комиссии, предполагал, что речь идет о заговоре ШАБАКа, а истинным убийцей был Йорам Рубин — телохранитель премьера. «Кроме него, рядом с Рабиным никого не было. А Игаль Амир, Авишай Равив и Маргалит Хар-Шефи были лишь винтиками в этой игре. Пули, вынутые из тела Рабина, были заменены на те, которыми стрелял Амир. В Рабина стрелял не Игаль Амир, а кто-то другой, и

возможно, этот человек до сих пор на свободе». Потом последовало загадочное самоубийство и закрытые похороны одного из команды телохранителей, того самого, кто кричал про холостой выстрел (свидетельство о его смерти, датированное 11 ноября 1995 года, журналист «Маарива» нашел — причина смерти там не указана).

Депутат Кнессета (парламента) от партии Ликуд Михаэль Эйтан принес в телестудию секретный протокол встречи представителей службы безопасности Израиля и высших чинов прокуратуры. Документ свидетельствовал о том, что на тайной встрече, состоявшейся в канцелярии юридического советника правительства 16 июня 1996 года, стороны договорились об утаивании сведений, касающихся убийства Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года. Как сообщала израильская радиостанция «Аруц Шева» («Седьмой канал»), когда Михаэль Эйтан собирался зачитать секретный документ в прямом эфире, на ТВ позвонил генеральный прокурор Израиля Элиаким Рубенштейн и запретил обнародование протокола, так как это, по его словам, «угрожало интересам национальной безопасности».

Игаля Амира приговорили к пожизненному заключению (смертной казни в Израиле нет). Его брат Хагай, признанный виновным в пособничестве

(он модернизировал пули, предназначенные Рабину), получил семь лет изоляции. Друг, Дрор Адани, тоже оказался в заключении за соучастие. Авишай Равив выступал на суде только в качестве свидетеля. Маргалит Хар-Шефи, экс-подругу Игаля, осудили на девять месяцев тюрьмы за якобы недоносительство о готовящемся преступлении. Дерзкая девушка после объявления приговора назвала главным виновником трагедии ШАБАК.

По словам самого террориста, он знал больше, чем мог сказать на суде. Игаль говорил, что действовал не в одиночку, чувствовал поддержку масс и опирался на постановления некоторых раввинов.

Осужденный террорист содержался в тюрьме строгого режима, не имел права принимать посетителей, кроме членов своей семьи. В начале 2004 года он объявил о своем решении жениться на репатриантке из СНГ, докторе философии Ларисе Трёмбвлер и подал официальное заявление о бракосочетании. Его избранница — мать четырех детей, младшей из которых два с половиной года. Их воспитанием и образованием она занималась вместе с бывшим мужем, сохранив с ним хорошие отношения. Сама Лариса говорила, что ее решение связать свою жизнь с Амиром — это не политическая декларация, а ее личный шаг. Она сказала также, что заплатила за это знакомство

высокую академическую цену. (По-видимому, имелись в виду проблемы в академической карьере.) Трёмбовлер опровергала появившиеся слухи, что женитьба на разведенной женщине, в то время как террорист получал сотни писем от юных девушек с предложением выйти за него замуж, выглядела как предлог для послаблений в тюрьме и даже для последующего освобождения. Она хорошо сознавала невозможность вести нормальную семейную жизнь в таких условиях: управление тюрем если и разрешит им супружеское воссоединение, то не чаще, чем раз в два-три месяца.

Сообщение о возможной свадьбе Игаля Амира очень сильно повлияло на дочь покойного Ицхака Рабина, Далию Рабин-Философ. После информации по ТВ она почувствовала себя плохо и ее увезли в больницу с диагнозом «аритмия».

Начальник службы тюрем Яков Ганот заявил прессе, что приложит все усилия, дабы воспрепятствовать этому браку. Бывший заместитель начальника службы тюрем Йосеф Полак тоже возражал против этого супружества. Он считал, что затея со свадьбой принадлежит матери Амира. «У него умная мама, которая занимается этим делом, и вовсе не брак является целью, а освобождение. Террорист получал сотни писем от девушек, так чего это вдруг он решил жениться на

разведенной с четырьмя детьми? Через несколько лет найдется президент, который, вероятно, и помилует его».

Специальное совещание в Управлении тюрем Израиля решило отказать Игалю в любой просьбе об организации и проведении процедуры бракосочетания. Новобрачные подали апелляцию, и адвокаты опротестовали это решение. В случае если суд разрешит осужденному жениться, но не позволит уединиться со своей женой Ларисой Трембовлер, супружеская пара попросит предоставить Ларисе возможность забеременеть методом искусственного оплодотворения. Невеста сказала: «Мы не откажемся от борьбы за право на уединение, но поженимся в любом случае». Амир заявил, что он «готов заключить брак, даже если власти лишат его права на уединение с супругой».

А девушки со всех уголков страны продолжают посылать ему письма с признаниями в любви.

АСАХАРА СЁКО

**Настоящее имя — Чидзуо (Тидзуо) Мацумото
(род. в 1955 г.)**

Лидер и основатель культа «Аум Синрикё», международной религиозной организации, относящейся к разряду тоталитарных сект. Организатор похищений и убийств людей, а также двух терактов на территории Японии с применением отравляющего газа.

20 марта 1995 года. Спокойная, благополучная, безопасная Япония. В утренние часы пик на 16 станциях токийского метро

неизвестными был распылен нервно-паралитический газ зарин. Результат — 12 погибших и около 5,5 тыс. человек с тяжелым отравлением. Полицейское расследование довольно быстро установило, что все нити ведут к религиозной организации «Аум Синрикё» и непосредственно к ее лидеру — «Его Святейшеству, Духу Истины, Преподобному Учителю» — Сёко Асахаре, ранее провозгласившему себя Мессией. Очевидно, его понятия о спасении человечества расходились с общепринятыми.

Чидзуо Мацумото (таково настоящее имя террориста) родился в 1955 года в деревне Ятсуширо, провинция Кумамото. Его семья была бедной (отец изготавливал татами-циновки) и многодетной — 5 сыновей и две дочери. В раннем детстве из-за глаукомы Чидзуо ослеп на один глаз и почти перестал видеть вторым. Предпринимательская жилка проявилась у него очень рано, еще в интернате для слепых, где он за деньги выступал своеобразным проводником у совсем слепых детей. Там же Чидзуо освоил иглоукалывание и мануальную терапию. После окончания интерната он безуспешно попытался поступить в Токийский университет. В 1978 году Мацумото женился и работал в аптеке в г. Фунабаша, где впервые был привлечен к уголовной

ответственности за мошенничество при выписке счетов. Но уже в 1981 году он сумел открыть свою аптеку в этом же городе, в которой организовал производство и продажу фальшивых лекарств, на чем, по некоторым данным, заработал несколько сотен тысяч долларов. В 1982 году Чидзуо Мацумото был арестован, но ему удалось отделаться сравнительно небольшим штрафом и закрытием аптеки.

Все это время, начиная с 1977 года, он активно занимался йогой, и неудивительно, что следующим его шагом на пути зарабатывания денег было открытие зала для занятий йогой, где вскоре сформировалась группа единомышленников, назвавшая себя «Ауми Шинсенно-каи». В 1986 году Мацумото отправился в длительное путешествие по Гималаям, где «познал истину» и достиг «окончательного спасения». По возвращении он переименовывает свою, к тому моменту разросшуюся, организацию в «Аум Синрикё» — «Учение об истинном Аум» (Аум — сложная тантрическая мантра), а себя — в Сёко Асахару. Дословно это имя переводится на русский язык как «Сияющий свет в долине конопли». «Аум Синрикё» приобрела статус религиозной организации и именовала себя во многих документах буддийской общиной, хотя, по сути, являлась очень сложным для понимания коктейлем из буддизма, индуизма,

христианства и собственной философии «Преподобного учителя» Асахары. Духовный представитель Далай-ламы в России так отзывался об этом учении: «Я могу сказать, что ни Далай-лама, ни представители традиционного тибетского буддизма не одобряют того, что он делает. Приверженцы традиционного буддизма не поддерживают миссионерскую работу и считают, что противоречит принципам буддизма стремление обращать в свою веру других людей, эта секта на 100 процентов не принадлежит к тибетской традиции».

Действительно, ни буддистская терпимость к другим религиям и учениям, ни бескорыстие не были свойственны политике «Аум Синрикё». Хотя сама философия Асахары базировалась исключительно на альтруистических идеях, главная из которых — спасение всего человечества. «Спасение» должно было осуществляться в три этапа: первый — избавление людей от болезней, второй — достижение счастья в этом мире и третий — достижение просветления и освобождения. Достигнуть этого было достаточно просто. Для начала — вступить в организацию, заплатив пожертвование (чем больше, тем лучше, о чем, не стесняясь, без устали повторял Асахара), а в идеале — уйти из дома, передав все имущество «Аум Синрикё». Людей, не имевших возможности внести

пожертвование, тоже принимали. Они отработывали право присутствовать на занятиях, раздавая листовки, расклеивая плакаты и зазывая в секту более состоятельных людей. Этим же занимались и все остальные рядовые члены секты, только в гораздо меньших объемах. За каждого приведенного неопита, раздачу листовок, расклейку объявлений, распространение книг Асахары адепт получал баллы, по результатам накопления которых мог перейти на следующую ступень обучения и соответственно продвинуться на пути к «спасению». Однако переход на более высокую ступень можно было значительно упростить и ускорить — за деньги. Члены «Аум Синрикё» платили за все — участие в ритуальных действиях, посвящения, семинары, занятия — деньгами или работой. Также для рядовых сектантов имелся в наличии специальный прейскуронт с чудотворными ритуалами и целебными веществами. Например, сосуд с водой, в которой изволил искупаться сам Асахара, стоил 200 долларов; обряд «шактиат» — члену секты позволялось дотронуться до лба другого, с более высоким уровнем духа с целью перекачки последнего — 500 долларов; внутривенная инъекция неизвестного состава под названием «Озарение Бардо» — 5 тыс. долларов. Можно было даже телепатически «подключиться» к мозгу

самого Учителя или испить его крови за 10 тыс. долларов. А за личную встречу с Сёко Асахарой рядовые члены секты выкладывали по 100 долларов за 2–3 минуты. Его «хождения в народ» — массовые «исцеления» и «просветления» граждан различных стран и городов на многотысячных стадионах — также стоили недешево.

Асахара был женат с 1978 года и имел шестерых детей. Поначалу его жена Томоко неодобрительно относилась к деятельности мужа, который занимался только делами своей организации, практически не уделяя времени семье. В 1988 году после шумной ссоры он приговорил ее к 50 дням лишения света, которые она и провела в наглухо закрытой комнате в полнейшей темноте, скорее всего, все это время ее держали на наркотиках. Это действие Асахары возымело должный эффект, и после окончания заключения Томоко стала его самой верной последовательницей и занималась производством агитационных видеоматериалов и анимационных фильмов.

В начале 1990 года Асахара предпринял попытку легально пробиться к власти. Он и 25 активистов из «Аум Синрикё» баллотировались в нижнюю палату японского парламента от имени некоей «Партии истины». Несмотря на огромные денежные затраты и обширную агитационную деятельность, эта попытка не имела успеха — ни

он, ни его выдвиженцы не набрали достаточного количества голосов.

Перу Сёко Асахары принадлежит несколько книг. В первой, со скромным названием «Провозглашая себя Христом», он пишет: «Сим провозглашаю себя Христом, Дух истины — это не кто иной, как я, руководитель “Аум Синрикё”». Здесь же он развенчивает традиционные религиозные и политические учения и утверждает, что только он в состоянии привести человечество к «освобождению», приводит примеры исцеления им больных, умалчивая, правда, почему его зрение остается все таким же плохим. Книга наполнена многочисленными ирреальными описаниями различных метафизических субстанций — ада, небес, иерархической структуры божеств и т. п. В частности, адов в понимании Асахары великое множество, все они делятся на горячие и холодные, а их названия поражают воображение: «Ад Крика от Горя и Боли», «Ад Непрерывного Блуждания по Аду», «Ад Ужасных Страданий от Опухолей, Больше Которых Быть Не Может», «Ад Ужасных Страданий Вхождения в Состояние, Подобное Малому Белому Лотосу»... Небеса Асахары носят названия менее страшные, но не более вразумительные; чего стоят, например, «Земные Небеса Богов Страсти» или «Первое Небо Небес Игривого Вырождения»!

Десятки тысяч людей во всем мире, казалось, находились под гипнозом этой харизматической личности, воспринимая со всей серьезностью любое, самое алогичное и бредовое слово Асахары. По свидетельствам родителей молодых людей, ставших последователями культа Асахары, они становились замкнутыми и неуправляемыми, мало ели и через некоторое время вообще теряли связь с окружающей действительностью и людьми. По состоянию на 1995 год секта насчитывала около 10 тыс. приверженцев в Японии и более 40 тыс. в мире, причем в России — не менее 30 тыс. человек, и, по некоторым данным, пользовалась покровительством высокопоставленных чиновников российского правительства. «Аум Синрикё» имела отделения по всей Японии, в России, Украине, Германии, Австралии, Шри-Ланке, бывшей Югославии и США. Так продолжалось до рокового дня 20 марта 1995 года, когда на центральных станциях токийского метро членами «Аум Синрикё» была проведена газовая атака.

На всех подвергшихся атаке станциях события разворачивались по одному сценарию: из вагона метро выходил человек в солнцезащитных очках, «случайно» оставляя на сиденье завернутый в газету пакет. Пока поезд доезжал до следующей станции, половина вагона уже была отравлена,

открывались двери, и свою дозу отравляющего вещества получали люди, стоявшие на платформе. Отравление получили и вызванные на место происшествия пожарные и полицейские. Движение токийского метро было остановлено, пострадавшие от атаки станции заблокированы. Позже полиция обнаружила шесть контейнеров, содержащих зарин с небольшими примесями других химических веществ. Ни Асахара, ни кто-либо другой из арестованных позднее членов секты не сказал, с какой целью они устроили газовую атаку. Возможно, сектанты хотели посеять панику в Токио и под шумок захватить власть, а возможно, они решили ускорить наступление конца света, предсказанного Учителем, или это была часть химических испытаний — в лабораториях опыты с отравляющими веществами ставились на животных, а необходимо было проверить их действие на людях.

Японские власти не были готовы к такому повороту событий — никогда в этой стране не происходило никаких террористических актов. Но вскоре вспомнили о так и не раскрытом инциденте в префектуре Нагано в 1994 году. Тогда от отравления непонятно каким образом взявшимся в жилых кварталах газом сходного состава погибло 7 человек, а неподалеку была обнаружена брошенная подпольная химическая лаборатория со следами

экспериментов с отравляющими веществами, и зарином в том числе. К тому времени с организацией «Аум Синрикё» уже было связано несколько скандалов, вызванных волной непонятных смертей и самоубийств среди ее адептов. Секту также подозревали в похищении и убийстве токийского адвоката Цуцуми Сакамото, который был председателем «Ассоциации жертв Аум Синрикё» и имел достаточное количество материалов не в пользу секты, и членов его семьи. Всплыли на поверхность и упоминание Асахарой в одной из проповедей о зарине, малоизвестном в Японии, и его довольно-таки навязчивые предсказания о скором конце света. 22 марта 1995 года полиция получила санкцию на «силовой обыск» в 25 опорных точках, принадлежавших «Аум Синрикё», в котором были задействованы 2,5 тыс. полицейских и спецотряды по борьбе с терроризмом. В ходе операции в одном из зданий секты было обнаружено около 50 человек в состоянии комы и с признаками дистрофии, во многих точках были изъяты документы и разнообразные вещественные доказательства, подтверждающие проведение химических экспериментов и изготовление опасных веществ: десятки канистр с реактивами, использовавшимися для производства и транспортировки зарина, противогазы и спецодежда химической защиты.

Также в ходе обыска здания выяснилось, что «Аум Синрикё» занималась и бактериологическим оружием — в нем обнаружили около 500 книг по биохимии, в том числе руководства по культивированию бактерий, инкубационные установки, питательные «бульоны» с бактериями, способными вырабатывать ботулизм. Помимо всего этого, были найдены картонные коробки с наличностью в сумме более 7 млн долларов и золото в слитках. По некоторым данным, материалы и оборудование для производства зарина и других опасных веществ поставлялись из России, существуют также свидетельства того, что на одном из полигонов российского спецназа группа членов «Аум Синрикё» проходила огневую подготовку.

Через несколько дней после массовых обысков было совершено покушение на начальника японской полиции Кодзи Кунимацу, который возглавлял особую комиссию по расследованию террористического акта в токийском метро и 22 марта отдал приказ о начале широкомасштабного обыска во владениях «Аум Синрикё». Стрелявший в него благополучно скрылся с места происшествия. Сразу после покушения японские власти отдали распоряжение о задержании всего руководства организации «Аум Синрикё», и в первую очередь Асахары, уже исчезнувшего к тому времени из поля зрения. В результате было

задержано несколько десятков членов секты, в том числе и непосредственные исполнители теракта в Токио, которые сообщили, что Асахара лично отдал приказание о проведении газовой атаки, а также о похищении и убийстве адвоката Сакамото и его семьи. Во время массовых арестов руководящих членов секты в токийской штаб-квартире «Аум Синрикё» был убит химик Хидэо Мураи, руководивший всеми научными исследованиями и производством отравляющих веществ. Как выяснилось позже, опять-таки по приказу Асахары, который считал его человеком излишне разговорчивым и мягкотелым. 5 мая того же года в ответ на массовые обыски и аресты была предпринята попытка устроить еще один террористический акт, который, правда, удалось предотвратить благодаря уборщице, нашедшей одну из емкостей с отравляющим газом, оставленную в туалете огромного подземного квартала в токийском районе Синдзюку. Еще несколько пакетов, содержащих сосуды с отравляющим веществом, было обнаружено почти сразу после первой находки. Если бы газ успел активизироваться, могли погибнуть по меньшей мере 13 тыс. человек.

«Преподобный учитель» был задержан почти через два месяца после теракта в метро, утром 16 мая 1995 года, в результате полицейского рейда в

130 местах на территории страны. Он был найден после 5-часового поиска в деревне Камикуисики, в потайной комнате здания, принадлежавшего «Аум Синрикё». Асахара находился там один и на момент ареста занимался медитацией. Сопротивления полиции он не оказывал.

После ареста Учителя активизировались и российские последователи Асахары. Глава отделения «Аум Синрикё» во Владивостоке Дмитрий Сидачев с двумя сообщниками готовил ряд террористических актов в городах Токио, Саппоро и Аомори. Позже, на суде, он признался в незаконном приобретении, хранении и транспортировке взрывчатых веществ и оружия на территорию Японии с целью проведения терактов, которые должны были, по его мнению, заставить японское правительство освободить Сёко Асахару и других лидеров секты из тюрьмы. Сидачев был приговорен российским судом к восьми годам лишения свободы.

Вскоре после теракта в токийском метро деятельность религиозной организации «Аум Синрикё» была официально запрещена, по решению суда был наложен арест на все банковские счета и принадлежавшую ей недвижимость — земельные участки общей площадью 136 тыс. кв. метров, 16 зданий в десяти префектурах страны. По состоянию на 1995 год имущество секты

оценивалось не менее чем в 29 млн долларов. В марте 1997 года японские власти приступили к демонтажу объектов, принадлежавших организации, решено было временно сохранить всего три здания, в которых сектанты занимались производством отравляющих веществ и бактериологического оружия, поскольку они еще могли понадобиться следствию.

Судебный процесс по делу Сёко Асахары продолжался в течение восьми лет. Всего перед судом предстали 189 членов секты, 11 из которых были приговорены к высшей мере наказания. Асахаре было предъявлено обвинение в 17 преступлениях, в том числе в похищении и убийстве людей, а также в организации двух террористических актов с применением отравляющего газа — в Токио и префектуре Нагано. Его адвокаты всеми средствами пытались убедить суд снять обвинения, доказать, что Асахара осуществлял только миссию духовного руководителя, а теракт — дело рук рядовых членов «Аум Синрикё», и даже списать организацию теракта 20 марта на убитого Хидэо Мураи. Сам же главный обвиняемый ко всему происходящему относился с полнейшим безразличием. По свидетельствам участников процесса, он «либо смотрел с отсутствующим взглядом в одну точку, либо тихо бормотал себе под нос какие-то

бессвязные фразы, либо засыпал прямо на скамье подсудимых».

Приговор лидеру «Аум Синрикё» был вынесен в Токио 27 февраля 2004 года. У здания окружного суда собралась более чем четырехтысячная толпа родственников и друзей жертв теракта 20 марта, тщетно пытаясь прорваться в зал заседаний, рассчитанный всего на 36 мест. Обвинительная речь прокурора заняла четыре часа. Приговор судьи звучал так: «Он обвиняется в попытке стать правителем Японии путем создания секты “Аум Синрикё”, вставшей на путь вооруженной борьбы. Он обвиняется в убийствах людей, пытавшихся противостоять его заговору. Он заслуживает высшей меры». Сёко Асахара слушал стоя, безразлично глядя в одну точку, казалось, что в своих мыслях он где-то очень далеко и не ему сейчас выносят смертный приговор, который осуществляется в Японии через повешение.

Адвокаты Асахары подали апелляцию в Верховный Суд Японии, и не исключена вероятность замены смертной казни пожизненным заключением, но, учитывая отношение к организатору самого масштабного теракта в Японии его сограждан, эта вероятность ничтожно мала. Сейчас «Преподобный учитель» ожидает в тюрьме окончательного вердикта, но, если судить

по его поведению, ему все равно, каким он окажется.

Несмотря на запрет деятельности «Аум Синрикё», разговоры о зомбировании ее членов психотехническими и гипнотическими методами воздействия на личность верующих под видом религиозных обрядов и смертный приговор, вынесенный Асахаре, организация продолжает свое существование и насчитывает около 30 общин по всей Японии. Ее ряды заметно поредели, она сменила название на «Алеф», не афиширует, как раньше, свою деятельность, но у нее хватает приверженцев, так что деньги поступают в кассу новых ее руководителей, открываются фирмы с ее капиталом, а Сёко Асахара остается «Его Святейшеством, Духом Истины, Преподобным Учителем». Последователи старой организации с новым названием ведут активную пропаганду в молодежной среде, открывая курсы по йоге, боевым искусствам, астрологии, создавая многочисленные религиозные сайты в Интернете. Насколько действенными будут эти методы и сможет ли когда-нибудь «Алеф» достигнуть уровня «Аум Синрикё» в годы ее расцвета, ответить пока невозможно.

БААДЕР АНДРЕАС

(род. в 1943 г. — ум. в 1977 г.)

Немецкий террорист, один из создателей печально известной фракции «Красная армия». Предполагают, что на совести этого боевика — около 100 покушений, в ходе которых было убито 39 человек и 75 ранено, серия поджогов и взрывов, участие в проведении и разработке 555 террористических актов. Его смерть в тюрьме крепости «Штаммгайм», происшедшая при вызывающих сомнение обстоятельствах, до сих пор остается загадкой.

Взрывы, рвущееся вверх пламя, разлетающиеся искореженные куски бетона, брызги стекла — то, что еще несколько секунд назад было зданием, валится бесформенной грудой, хороня под собой людей. Крики, стоны, кровь... Машины, превращающиеся в столбы огня после того, как был повернут ключ в замке зажигания. Самолеты, разваливающиеся на куски в воздухе и устилающие землю оплавленными обломками железа. И жертвы, жертвы... Это — террор. Форма борьбы за идею.

Историки могут яростно ломать копья, пытаясь выяснить, кто был первым террористом

человечества. Для живущих ныне нет большой разницы, когда в угоду убеждениям впервые была принесена человеческая жертва. Главное — тактика «цель оправдывает средства» прочно прижилась в современном мире и нашла своих почитателей и приверженцев. Можно ли понять таких людей? Видимо, да. Но прежде чем попытаться оправдать кого-то из боевиков, вспомните, что следующей мишенью можете оказаться вы сами.

XX век подарил миру немало известных террористов. Ими может «похвастать» буквально каждая страна на земном шаре. Германия также не является исключением из этого печального правила. Одной из самых известных группировок боевиков в этой стране стала «Красная армия», обладательница кровавой репутации. Ее деятельность имела огромный резонанс среди организаций подобного толка. «Крестный отец» фракции, Андреас Баадер, был весьма неординарной личностью. Вспоминая самых известных террористов века, ему действительно стоит уделить внимание.

Когда отгремела Вторая мировая война, в среде немецкой молодежи родился новый миф, сказка об экономическом чуде, которое позволит возродить Германию, сделать ее еще сильнее и благополучнее, чем раньше. Правда, в эту утопию верили далеко не все. В некоторых слоях

интеллигенции зрела идея новой революции. Моделью государства будущего эти люди всерьез считали ФРГ, отгороженную от Восточной Германии высокой стеной и несколькими рядами колючей проволоки; именно академическая, университетская среда скрывала в себе дремлющего покуда демона терроризма: апологеты «истинно пролетарской» революции свято верили в то, что капитализм окончательно изжил себя и наступило время строительства более справедливого общества. Вот только строить этот новый мир собирались в буквальном смысле на крови, поскольку немецкие «перестройщики» считали, что реализовать их идеи мирным путем невозможно. Подобное убеждение привело к тому, что Германию захлестнула волна насилия. Одной из самых известных террористических групп, созданных в то время, была организация под руководством Андреаса Баадера и Ульрики Майнхоф.

Андреас Баадер родился в 1943 году в Мюнхене. Окончив школу, этот красивый шалопай и бездельник, любимец женщин, не проявивший желаний хоть где-нибудь работать и считавший, что общество у него в долгу, решил заняться переустройством последнего. Он был убежден, что настала пора классовой борьбы — жестокой, использующей исключительно насильственные

методы. В общем, Андреас мнил себя таким немецким Че Геварой, хотя больше всего напоминал провинциального Герострата. Баадер переехал в Берлин, где принял самое активное участие в различных (и едва ли не ежедневных) демонстрациях. Молодой человек протестовал против всего и готов был бороться за что угодно. Во время одного из таких выступлений, в 1967 году, он познакомился с убежденной коммунисткой Гудрун Эннслин. Спустя совсем немного времени женщина оставила своего мужа и маленького ребенка, чтобы сойтись с Баадером. Начало их совместной жизни пришлось на то время, когда молодой человек стал активно убеждать окружающих в справедливости своей философии классовой ненависти и призывать к вооруженной партизанской борьбе против государства, которую называл «народной войной».

Правда, начало этой самой борьбы оказалось весьма неудачным для начинающих террористов. Баадер и Эннслин не придумали ничего более оригинального, как заложить зажигательные устройства в универмаг «столицы капитала» — Франкфурта-на-Майне (это произошло 2 апреля 1968 года). Таким образом парочка решила выразить свой протест против войны во Вьетнаме. Универмаг, конечно, сгорел, но вот человеческих жертв, к разочарованию «революционеров», не

было. Зато причиненный материальный ущерб внушал уважение: добра сгорело на 75 000 марок. Владельцы магазина провели серьезную беседу с представителями полиции, и преступники были объявлены в розыск. Организовать поджог и уйти безнаказанными оказалось не так уж просто. Через день после взрыва Андреас и Гудрун были схвачены по доносу приятеля своей домохозяйки и, естественно, загремели за решетку. Итог судебного процесса по этому делу, имевшему место 14 апреля 1968 года, — по три года тюремного заключения для Баадера, Эннслин и еще двух «партизан». Адвокат террористов, Малер, решил поддержать миф о разветвленной террористической организации и незадолго перед последним заседанием, 11 апреля, организовал взрыв в здании издательства Шпрингера.

Прошло долгих 14 месяцев, прежде чем 13 июня 1969 года стараниями юристов преступники были отпущены под залог, а дело отправлено на пересмотр. В случае неблагоприятного вердикта обвиняемые должны были 25 февраля 1970 года вернуться в тюрьму. Оказавшись на свободе, женщины-террористки занялись проституцией («для политического шантажа системы»), а Баадер во главе малолетних преступников стал развлекаться ночным вандализмом. Правда, «партизаны» не склонны были ожидать, пока

правоохранительные органы сочтут необходимым отправить их опять в зал суда, и накануне 25 февраля сбежали во Францию. По приезде в Париж Баадер загорелся идеей создания «первой ячейки Красной армии» (РАФ). Он хотел, по примеру герильи (партизанской войны) в Латинской Америке, изменить общество при помощи оружия. Первая акция от имени новой организации должна была пройти 11 апреля того же года — Андреас и его сторонники собирались совершить нападение на американский склад оружия. Немецкие власти отнюдь не были обрадованы таким поворотом событий, да и французов перспектива пополнения рядов собственных террористов уж никак не устраивала. К делу был подключен Интерпол, который в 1970 году разыскал беглых боевиков. Перед самым налетом Баадер был схвачен полицией по дороге на кладбище, где террористы хранили боеприпасы. Андреаса и его товарищей выдворили обратно в Германию.

Обрадованные местные власти быстренько отправили боевиков обратно за решетку тюрьмы «Моабит». Ни о каком пересмотре дела речь идти уже не могла. Но, тем не менее, Андреас пользовался всеми благами «мягкого» режима заключения. Громкий процесс над поджигателями принес ему и Эннслин нездоровую популярность. Баадера современники считали уже едва ли не

лидером терроризма. Одна из его поклонниц, Ульрика Майнхоф, порвала с мужем и, связавшись со сторонниками своего кумира, помогла Андреасу сбежать из тюрьмы. Побег произошел 14 мая 1970 года из здания библиотеки Социально-политического института, которую заключенному было разрешено посещать. Боевики «Красной армии» во главе с Майнхоф отбили его у охранников. РАФ торжествовала победу. Общественный резонанс от этой акции был огромен. Только теперь власти всерьез осознали, на что способны террористы-леваки.

Фактически группу людей, вдохновленных идеями молодого шалопая, объединил в единую фракцию «Красная армия» Хорст Малер. Этот адвокат, защищавший Баадера на судебном процессе, был ярким сторонником насильственного свержения государственного строя в Западной Германии. Фракция быстро наладила связи с местными группировками боевиков и вышла на контакт с ближневосточными террористическими группами. После того как Баадер и Эннслин оказались на свободе, верхушке «Красной армии» потребовалось срочно покинуть Германию. Хотя бы на время.

15 мая 1970 года «великолепная четверка» совершила ограбление «Банк фюр Индустри унд Хандель». Захваченные 200 000 марок позволили

боевикам совершить поездку на Ближний Восток. Баадер и Эннслин, сопровождаемые Малером и Майнхоф, приняли решение отсидеться в Иордании, а заодно пополнить свое террористическое «образование» в местном учебном лагере. Там немцы почерпнули немало интересного и полезного для себя, но отношения приезжих и хозяев ухудшались с каждым днем. Арабы и арийцы не блистали оригинальностью, обвиняя друг друга в высокомерии. Особенно раздражал хозяев Баадер. Он постоянно нарушал дисциплину, конфликтовал с окружающими, отказывался от участия в групповых занятиях. Андреас неоднократно заявлял, что презирает арабов, а руководство учебного центра пичкает его группу навыками, «не подходящими» для той войны, которую он будет вести в Европе. Естественно, очень скоро хозяева вежливо дали понять гостям, что больше не склонны терпеть их присутствие в своем лагере. Немцев выдворили из Иордании, и они были вынуждены тайно вернуться на родину. С момента отъезда «партизан» прошло всего 60 дней.

Теперь фракция Баадера, состоящая уже из трех групп по 30 человек, тайно скрывалась в домах сочувствующих им радикалов. Впереди у нее были более двух лет грабежей, похищений, нападений, подрывов и убийств. «Партизаны» имели в

Западном Берлине конспиративные квартиры, транспорт, склады оружия и финансовый резерв «на революционные нужды». А пока разрабатывался глобальный план «народной войны», Малер предложил Баадеру пополнить кассу «Красной армии» за счет грабежей. Андреас охотно согласился. Группа совершила целую серию налетов на банки — деньги шли на приобретение фальшивых документов, взрывчатки, оружия и на аренду складов для его хранения. Тщательную подготовку операций осуществлял адвокат вместе со своим бывшим подзащитным, а сам Баадер проявлял безрассудную смелость при их осуществлении. Позднее в зону внимания команды Андреаса попали различные государственные учреждения, ставшие для террористов источником официальных бланков документов и печатей. «Красноармейцы» вместе со своим лидером жили в условиях полной конспирации, пользуясь поддельными паспортами, ночуя в снятых подставными лицами квартирах, разъезжая по стране на украденных машинах.

27 августа 1970 года Баадер ограбил крупный универсам, а 22 сентября в Берлине все три группы совершили одновременное нападение на три банка, после чего было принято решение в целях безопасности «залечь на дно» и временно не встречаться.

В октябре того же года Малер совершил совершенно непростительную для него грубую ошибку и попал в полицейскую ловушку. Теперь руководство фракцией полностью находилось в руках неуравновешенного, склонного к авантюрам и достаточно истеричного Баадера. Правда, у него хватило трезвой логики опереться в управлении «партизанской армией» на аналитический ум и железную волю Майнхоф. Вместе они спланировали и провели за год около 80 взрывов и поджогов банков, магазинов, казарм, учреждений бундесвера и НАТО, складов.

Два ограбления банков в Касселе заставили полицию активизировать поиски членов преступной группировки. Чтобы раз и навсегда покончить с «красноармейцами», немецкая криминальная полиция сформировала специальное подразделение для борьбы с терроризмом. Его деятельность оказалась успешной: вскоре на свободе остался только «мозг» группировки да несколько боевиков. К сожалению, Баадер не испытывал недостатка в желающих поддержать его в «борьбе за правое дело» и решил, что настала пора перейти от обычных ограблений к уничтожению физических лиц. Правда, 3 сентября 1970 года он сам едва не был схвачен полицией, сбежав в последнюю минуту. После этого Андреасом были спланированы и осуществлены

террористические акты в Кёльне, Мюнхене, Франкфурте, Дюссельдорфе, Глодбахе, Эссене, Западном Берлине. Дело осложнялось тем, что не слишком многочисленной «Красной армии» оказывали поддержку сотни «симпатизирующих».

«Партизаны» Баадера провели 555 акций в 1971 году, присвоив более двух миллионов марок в ходе ограблений. «Красноармейцы» держали ФРГ в состоянии глубокого непрерывного стресса. С лета 1971 года боевики в ответ на облавы и аресты, проведенные спецподразделением, развернули антиполицейский террор.

Идеи лидера «Красной армии» были очень созвучны взглядам доктора Вольфганга Хубера из Гейдельбергского университета. Этот деятель утверждал, что виновником психических заболеваний отдельных лиц является государство. Для того чтобы сделать профессию психиатра не востребовавшей, считал он, необходимо изменить политическую систему. Хубер создал «Банду сумасшедших» из своих пациентов, которых учил приемам рукопашного боя, владению оружием, приемам слежки, подрывному делу. К середине 1971 года он решил, что «Красная армия» очень близка по духу его группе психопатов-убийц, и сделал ее одним из подразделений «армии» Баадера. 22 октября того же года при попытке задержания одного из «партизан» пострадали двое

полицейских. Один из них, Хельмут Шмидт, умер на месте, прошитый шестью пулями. Убийцы через несколько дней были схвачены полицией, а вместе с ними в руки правоохранительных органов попала так называемая «Черная церковная книга» — список лиц, которые могли оказать «красноармейцам» помощь в любой ситуации.

22 декабря террористы под руководством Баадера совершили очередное ограбление банка и убили полицейского, ставшего свидетелем налета. Одна из молодых участниц группы не выдержала кровавого зрелища, решила «выйти из игры» и уехать к матери в Берлин. Ее решение недолго оставалось секретом для руководства «Красной армии», которое уничтожало любого «партизана», решившего вернуться к нормальной жизни. Баадер, прихватив Майнхоф, отправился к «отступнице». Девушку привезли к заброшенному карьеру и расстреляли.

Весной 1972 года полиция Германии провела грандиозную операцию, в ходе которой было задействовано совершенно невероятное количество агентов — свыше 150 000. Полторы тысячи из них были отправлены во Франкфурт-на-Майне — туда, где, предположительно, скрывался Баадер. Вскоре агентура обнаружила явку главы «Красной армии».

1 июня 1972 года, в семь утра, его арестовали возле гаражей, выстроенных на пустыре рядом с

жилым массивом, где террористы хранили оружие. Снайперы, изображавшие рабочих, занятых озеленением территории, потихоньку обыскивали гаражи, заменили боеприпасы и взрывчатку муляжами и стали дожидаться хозяев склада. Боевики появились рано утром. Баадер и Майнс вошли в помещение, а Распэ остался в машине. Он оказал отчаянное сопротивление полиции при задержании и успел выпустить почти обойму патронов по «рабочим», но уйти все же не смог. Оставшиеся два террориста решили использовать для прорыва хранившееся в гараже оружие, но обнаружили вместо боеприпасов лишь безобидные игрушки. Для того чтобы ускорить процесс обсуждения «красноармейцами» сложившегося положения, полиция применила гранаты со слезоточивым газом. После использования такого убедительного аргумента в пользу выхода из помещения, Баадер попытался уйти, отстреливаясь из находившегося при нем пистолета. Почти сразу лидер «партизан» получил пулю в ногу и был вынужден сдаться. Майнсу это «свежее» решение пришло в голову значительно раньше — он даже не пытался сопротивляться группе захвата. (Позднее правоохранительные органы использовали этого подручного Андреаса в качестве особо ценного свидетеля.)

Итак, Баадер, Распэ и Майнс были отправлены в тюремные камеры крепости «Штаммгайм» под 24-часовое наблюдение. Несмотря на то что вина обвиняемых не была еще доказана, уже в период следствия к ним относились как к важным государственным преступникам и содержали в одиночных камерах, под потолком которых круглосуточно горели мощные лампы. Спустя шесть дней за решетку угодила и Гудрун Эннслин, которую арестовали в магазине модной одежды. 15 июня к «красноармейцам» присоединилась и Майнхоф. Поначалу Эннслин пыталась объявить голодовку, однако результатом этого акта стало лишь то, что через месяц террористку перевели на принудительное питание.

В 1975 году, после трех лет предварительного заключения, начался знаменитый Штаммгаймский процесс над основателями и руководителями «Красной армии». Баадеру предъявили обвинение в пяти убийствах, 55 покушениях, серии грабежей и поджогов. Здесь прокурор явно скромничал: специалисты утверждали, что подсудимому можно смело инкриминировать организацию 100 покушений, в ходе которых 39 человек было убито, а 75 — ранено, и участие в большинстве этих террористических актов. Но судебный процесс буквально топтался на месте еще в течение целого года: от обвиняемых не могли добиться ни одного

показания, а Андреас Баадер напрямую заявлял, что он сам и его друзья отказываются признавать законность данного суда. Неизвестно, сколько продолжалось бы такое противостояние, если бы у Эннслин не сдали нервы. Женщина признала свою причастность к серии убийств. Андреасу и его «соратникам» больше не имело смысла запереться. Спустя четыре дня после того, как подруга главы «партизан» стала давать показания, Майнхоф повесилась в собственной камере.

Еще в октябре 1974 года Баадер достаточно ясно дал понять полиции, что складывать оружие он не собирается. Лидер «красноармейцев» передал на свободу свое распоряжение избежавшим ареста подчиненным. В частности, они должны были приступить к захвату и уничтожению «сильных мира сего». В течение трех последующих лет приказ Баадера активно претворялся в жизнь его сторонниками: ими было проведено большое количество похищений и убийств крупных политиков, бизнесменов, чиновников. В 1977 году террористы предприняли попытку обменять Баадера на одного из таких заложников и, получив отказ, убили его, подчеркнув серьезность своих намерений. Кроме того, в поддержку требований боевиков, ратовавших за освобождение главы «Красной армии», на Мальорке был захвачен аэробус с немецкими пассажирами.

18 октября 1977 года Андреас и его помощники были найдены в своих камерах мертвыми. Официальная версия расследования гласила, что «красноармейцам», отбывавшим пожизненное заключение, с воли были переданы заряженные пистолеты, и они, ошеломленные волной террора, причину которого видели в себе самих, решили уйти из жизни... Почти сразу после вынесения этого вердикта среди почитателей Баадера поползли слухи, что самоубийство лидера террористов было инсценировано. На самом же деле неукротимому боевику «помогли» отправиться к праотцам: уж слишком много хлопот доставлял он полиции одним своим существованием. Тем более, что тюрьма для него отнюдь не являлась «безвыходным положением» — своим побегом из предыдущего заключения террорист это наглядно продемонстрировал. Сложно не признать того, что в данном утверждении есть изрядная доля здравого смысла. Ведь действительно Баадер и его «партизаны» ставили своей целью освобождение народа от гнета и насилия, однако их методы борьбы привели только к принуждению и репрессиям. В итоге государство действительно оказалось в тупике: что делать с этими людьми, не было ясно никому, а оставшись в живых, они превращались в этакий дамоклов меч над головой современного немецкого общества. Так что

самоубийство Баадера и его друзей, которое произошло при весьма таинственных обстоятельствах, невольно наталкивало на мысль о банальном убийстве... И в самом деле, сложно согласиться с тем, что при такой строгости наблюдения в камеры можно было передать без ведома охраны заряженное оружие. И уж совсем не верится, что Баадер, известный своим безрассудством и отчаянной смелостью, использовал «посылку» для того, чтобы лишить себя жизни, а не для того, чтобы попытаться бежать. Как бы там ни было, правду о смерти лидера «Красной армии» общество, скорее всего, не узнает никогда. Тем более, что практика «самоубийств» среди осужденных террористов распространена не только в немецких тюрьмах. Государственная власть никогда не пренебрегала методами своих оппонентов...

БАРАЕВ АРБИ АЛАУТДИНОВИЧ

(род. в 1973 г. — ум. в 2001 г.)

Чеченский террорист, полевой командир и некоронованный король чеченской работорговли, руководитель бандформирования. Псевдоним — «Эмир», радиопозывной — «Тарзан».

Арби родился в 1973 году в бедной семье, в станице Ермоловка возле Грозного (ныне — Алхан-Кала). Его отец, не имеющий никакого образования, умер, когда сыну было 11 лет. Спустя

два года скончалась и мать. В 1980-х годах на грозненские дискотеки Арби ходил с остро заточенной вязальной спицей и в драке не раздумывая пускал ее в ход вместо ножа. Он с трудом окончил среднюю школу в Урус-Мартане и, как тысячи молодых чеченцев в те годы, был без работы и каких-либо перспектив. Однако его поддержал дядя по материнской линии — Ваха Арсанов, будущий вице-президент Ичкерии и ближайший помощник Аслана Масхадова. В то время Арсанов работал в управлении ГАИ тогда еще советской Чечено-Ингушской республики. Он пристроил молодого племянника в госавтоинспекцию, где тот начинал сержантом, зато на «хлебном» месте — на трассе «Кавказ» при въезде в Урус-Мартан.

Бараев был исключительно предан своему дяде, и вскоре был зачислен в формируемую национальную гвардию, а в 1991 году стал его личным охранником. Потом он перешел в охрану председателя Службы национальной безопасности Ичкерии Султана Гелисханова, бывшего начальника гудермесской ГАИ. Поскольку Бараев был очень развит физически, он стал хорошим телохранителем, и позже Гелисханов передал его в личную охрану тогдашнему вице-президенту Чечни Зелимхану Яндарбиеву, одному из идеологов «чистого ислама», получившего название

«ваххабизм». С этого момента начался взлет бандитской карьеры Бараева.

В начале 1995 года Джохар Дудаев издал секретный указ о создании отряда по захвату российских военнослужащих. Руководитель группы Ваха Арсанов попросил включить в нее своего родственника Бараева. Правда, Арби предпочитал похищать богатых земляков, сотрудничавших с федеральной властью, за которых родственники или федералы платили солидный выкуп.

В составе банды Шамиля Басаева террорист Бараев участвовал в рейде на Буденновск. После гибели Джохара Дудаева ставший президентом Яндарбиев вспомнил о своем бывшем телохранителе и поручил ему формирование Исламского полка особого назначения. Всю первую чеченскую войну Бараев прошел с оружием в руках, а после ее окончания получил заслуженную награду: за храбрость, проявленную в боях с русскими, бывшего сотрудника ГАИ назначили бригадным генералом.

Новоиспеченный генерал активно занялся захватом заложников и работорговлей. Боевым крещением для него стало похищение двух полковников милиции. Арби потом обменял их на двух своих родственников-рэкетиров, задержанных в Москве. В январе 1996 года на ТЭЦ-2 в Грозном террорист со своими головорезами взял в

заложники 29 энергетиков из Ростова-на-Дону. В октябре 1996 года люди Бараева похитили Демельханова — жителя села Гойты. Полученный выкуп — 60 тыс. долларов и иномарку за 100 тыс. — генерал поделил с Яндарбиевым. На вырученные деньги Бараев содержал свой полк и соорудил специальную тюрьму для заложников в Урус-Мартане и Гойском.

Позже Арби нашел новую «крышу»: его подельником и покровителем снова, как и прежде, стал дядя, тогдашний вице-президент Ичкерии Ваха Арсанов. Уже в 1997 году были сотни желающих отомстить Эмиру-Тарзану (так он любил себя называть), особенно в соседней Ингушетии, где он промышлял очень широко. Например, Бараеву была объявлена кровная месть родственниками погибшего сотрудника МВД Ингушетии, ингуша по национальности, захваченного террористами в июле 1997 года на посту «Алмаз-2», на 725-м км трассы Ростов — Баку. Милиционеров работорговец обменял на шестерых своих боевиков, арестованных в Ингушетии за похищения людей. Осенью 1997 года на Бараева несколько раз совершались покушения, но неудачно.

С 1997 года Арби начал игнорировать Аслана Масхадова и его власть. А 14–15 июля 1998 года пытался во главе своего отряда спецназовцев захватить Гудермес и ввести там законы «чистого

ислама». Но пришельца разгромили местные жители и отряды национальных гвардейцев под командованием братьев Ямадаевых. Масхадов разжаловал генерала Бараева в рядовые, распустил его полк, а ваххабизм объявил вне закона.

Такого унижения бывший бригадный генерал не мог простить даже президенту Ичкерии. 23 июня 1998 года в центре Грозного под джипом Аслана сработала радиоуправляемая мина. Президента спасло от верной гибели бронированное днище внедорожника. В организации теракта наряду с другими лицами подозревался и рядовой Арби Бараев. Только клятва в своей непричастности, которую он дал, положив руку на Коран, спасла его от шариатского суда.

По просьбе неких лиц люди Бараева взяли в заложники и убили троих англичан и новозеландца (четыре отрезанные головы нашли на снегу в декабре 1998 г. на обочине трассы «Кавказ»). Эти инженеры-связисты приехали в Чечню восстанавливать телекоммуникации. Зачем было убивать людей, когда о выкупе в десять миллионов долларов уже договорились, и деньги были на подходе, о чем прекрасно знал Бараев? Позже говорили, что ему заплатили именно за то, чтобы он как можно «круче» разобрался с иностранцами. И деньги ему якобы привезли из белокаменной. Выходит, убийство было выгодно кому-то в

столице. Это чудовищное преступление возмутило не только мировую общественность, но даже власти Ичкерии. Масхадов объявил Бараева вне закона, а уважаемый в Чечне полевой командир Руслан Гелаев даже пообещал «лично снять голову» с Арби за убийства и похищения мирных людей. Уже тогда не только официальные власти Ичкерии, но и многие полевые командиры поняли, что мстительный и неуправляемый террорист опасен для всех и с ним пора кончать.

Осенью 1998 года на грозненской площади Минутка джип, в котором находился Бараев, изрешетили из четырех автоматов. Раненый, парализованный Арби впал в кому, хирурги вставили ему два аппарата Илизарова в руку и ногу, удалили селезенку, почку, части легкого и желудка. Ему пришлось заново учиться ходить. (По другим данным, охранник полевого командира Гелаева во время разборки разрядил в экстремиста в упор обойму «стечкина»). Как бы там ни было, поправившись, Бараев публично заявил, что порывает все отношения с Масхадовым и ни в дележе власти, ни в войне больше не участвует. После этого он перебрался в Урус-Мартан, чтобы заниматься бизнесом.

Говорят, Арби торговал «левым» бензином, печатал фальшивые доллары, контролировал несколько рынков на Северном Кавказе и в Москве.

Взрыв центрального рынка во Владикавказе в марте 1999 года, когда погибли 64 человека и около 100 получили тяжелые ранения, скорее всего, его рук дело. Возможно, причиной трагедии стал отказ хозяев рынка платить бандиту долю от доходов.

Бараев и его банда, в которую вошла часть воинов расформированного исламского полка, снова занялись захватом и торговлей заложниками, что теперь стало очень выгодным предприятием. Для начала экстремисты похитили полпреда президента России Валентина Власова и получили за его освобождение 15 млн долларов. Работоторговля была поставлена, что называется, на поток. Эмир-Тарзан брал в заложники солдат и офицеров, чиновников и коммерсантов, детей богатых родителей, милиционеров, журналистов, сотрудников Красного Креста — всех, за кого можно было получить выкуп. Его головорезы похитили телевизионщиков ОРТ, итальянца Мауро Галлигани, представителя верховного комиссара ООН по делам беженцев в Северной Осетии гражданина Франции Венсана Коштеля и многих других. Мозговым центром и соучастниками работоторговли сотрудники следственного комитета при МВД России считали заместителя министра внутренних дел Чечни и нескольких высокопоставленных людей этой республики. Потом прошла информация, что к работоторговле

Бараева причастны и некие высокие чины с Лубянки.

Арби «прославился» жестокостью по отношению к узникам. Он лично пытал пленных и заложников, добивал раненых. Шокирующие пытки женщин записывал на видео. С января 1995 года террорист собственноручно казнил более 190 человек. Говорят, он изобрел так называемое «чеченское лото». Пленники, приняв упор лежа, отжимались от земли. Тех, кто терял силы, ждала пуля, а победителя — участие в следующем кровавом «тираже». Родственники похищенных и убитых «королем работоторговли» людей поклялись отомстить ему. В июне 2000 года они заложили фугас на одной из ингушских дорог близ Чечни, но мина сработала с запозданием, и автомобиль террориста не пострадал.

Вторую чеченскую войну Бараев встретил в Грозном, правда, защищал окруженную столицу недолго. Поняв, что сопротивление бесполезно, со своим отрядом, в который входило, по разным данным, от 300 до одной тысячи человек, он вырвался из кольца и вернулся в родную Алхан-Калу. Террорист по-прежнему отличался особой жестокостью и коварством. Скажем, он публично расстрелял нескольких своих боевиков, обвинив их в краже 500 тыс. долларов, полученных из-за рубежа, которые сам же и прикарманил. В

своем селе, как говорят соседи, Бараев спокойно жил, ни от кого не скрываясь. Слухи о связях Арби с высокими чинами неких спецслужб вовсю гуляли по Чечне: слишком уж наглым и неуловимым был этот тип, спокойно проезжавший на своих шикарных джипах через любой российский блокпост. Благодаря связям Бараева с российскими спецслужбами ему удавалось всегда уходить от облав федеральных сил. А потом с помпой отпраздновать свою очередную свадьбу. Его шестой женой стала Зура, которая в октябре 2002 года отправилась мстить за мужа и командовала женщинами-камикадзе во время захвата заложников в театральном центре в Москве на Дубровке.

В июне 2000 года Арби снова объявил войну федералам, создав террористическую группу «Джихад-3». Его двоюродная сестра Хава в начиненном взрывчаткой грузовике въехала на базу российских омоновцев в Алхан-Юрте. От мощного взрыва, помимо самой женщины, погибли 17 военнослужащих, десятки были ранены. Она стала первой чеченской женщиной-камикадзе. Затем последовала целая череда терактов против чеченских чиновников, сотрудничающих с федеральными спецслужбами. Последней акцией Арби Бараева стала серия взрывов в Гудермесе, повлекшая человеческие жертвы. Это и

переполнило чашу терпения российских войск — неуловимого экстремиста решили ликвидировать.

Обладая поистине звериным чутьем, террорист довольно умело скрывался, используя около сорока схронов в разных районах и населенных пунктах Чечни. Он не верил никому, даже женщинам, с которыми спал. Часть своих друзей и сподвижников Эмир-Тарзан казнил лично, по одному только подозрению или по навету. Именно из-за того, что его боялись и ненавидели практически все жители, информация о появлении экстремиста в том или ином селе контрразведчикам поступала регулярно.

Однако несколько операций по его захвату ничего не дали, у боевиков был четкий план перемещения из еще не «зачищенных» районов села в те, где «зачистка» уже была закончена. Передвигаясь таким образом, Бараев абсолютно уверовал в свою неуловимость.

Последняя охота на бандита шла с 19 по 24 июня 2001 года. В боевых действиях принимали участие спецподразделения ФСБ и МВД, в частности элитная группа «Витязь» и отряд специального назначения Внутренних войск МВД РФ «Русь». Были уничтожены вплоть до подвалов 23 дома, из которых 20 принадлежали семьям, не имевшим никакого отношения к боевикам (так, во всяком случае, утверждают чеченцы). В акции

участвовали десятки вертолетов, сотни единиц бронетехники. Спасаясь, Арби бегал по домам своих многочисленных родственников и по коротковолновой радиостанции просил помощи у других полевых командиров. Но выручить Эмира-Тарзана никто не пришел.

Во время очередной проверки один из спецназовцев, отодвинув шкаф в доме, увидел лаз, из которого сразу ударили из автоматов. Под шкафом находился вход в схрон, оборудованный под домом. Один спецназовец был убит, а офицер и боец ранены. Дом начали расстреливать из бронетехники. В результате ответный огонь автоматов стих, а здание загорелось. На следующий день у забора в тайнике в развалинах кирпича был обнаружен труп Бараева. После судебно-медицинской экспертизы мертвого террориста предъявили журналистам, сняли на пленку, а затем его тело передали родственникам.

Террориста не получилось похоронить как положено. Грузовик с телом Арби у въезда в Алхан-Калу встретили вооруженные чем попало жители села и не пустили на кладбище. Даже в своем родном селе Бараев убил как минимум пять человек: трех руководителей администрации, имама и завуча местной школы. Теще Арби, его последней жене и племяннику Мовсару пришлось разворачивать процессию и ехать в соседнее село